

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
И ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 81

И. С. БЕРЖАНИН

Могилев, Могилевский институт МВД

Научный руководитель – Е. Е. Иванов, преподаватель

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЦИКЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А. САПКОВСКОГО «ВЕДЬМАК»**

Сага Анджея Сапковского занимает одно из первых мест в отечественных и зарубежных списках лучшего фэнтези, а Геральт – культовый персонаж литературы, компьютерных игр и фильмов, которые сделаны по мотивам книг. Глубокий сюжет, интересные, проработанные персонажи и захватывающие события, отлично описанные сцены сражений и смешные ситуации – всё это можно увидеть в цикле романов А. Сапковского «Ведьмак». Стоит отметить, что произведение интересно не только тем, что в нем имеется хороший сюжет и персонажи, но и проявляются черты славянской мифологии.

Научная работа основана на онимах в работе А. Сапковского. Оним – это слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации.

Классификация онимов предполагает наличие следующих видов:

- Топонимы – собственные имена географических объектов;
- Антропонимы – собственные имена людей;
- Зоонимы – собственные имена животных;
- Фитонимы – собственные имена растений;
- Идеонимы – собственные имена объектов духовной культуры.

Собственные имена могут происходить от различных предметов и объектов, некоторые из которых могут также быть названы общими именами (апеллятивами).

В произведениях А. Сапковского присутствует огромное количество героев, перечислить всех практически невозможно, поэтому в качестве материала исследования будут рассмотрены имена главных героев, ряда второстепенных персонажей и наиболее известные наименования из серии книг о ведьмаке.

Онимы, встречающиеся в произведениях А. Сапковского, имеют ряд особенностей. В большинстве случаев они относятся к антропонимам, но могут включать в себя различные виды онимов. В качестве примера можно привести следующие имена персонажей и названия мест:

Геральт из Ривии – это антропоним. Однако если разобрать имя главного героя цикла романов, то будет видно, что Геральт – это антропоним, а Ривия – это топоним, название местности, откуда главный герой родом [1].

Трисс Меригольд из Марибора – это тоже антропоним. Это имя включает в себя сразу три разновидности онимов: фитоним, антропоним, топоним. Имя Трисс – уменьшительно-ласкательная форма имени Патриция и является антропонимом, Меригольд созвучно с английским словом *Marigold*, то есть «Бархатцы», соответственно это наименование будет считаться фитонимом, Марибор – город, из которого персонаж, – это топоним.

Цири – это также антропоним. Полное имя персонажа – Цирилла Фиона Элен Рианнон. Цирилла – женская форма имени, распространенного во многих европейских странах, Цирил или же Кирилл. Также персонаж имеет никнейм «Ласточка», который является зоонимом.

Лютик – еще одно имя собственное. Это фитоним, потому что это имя нарицательное, аналогичное названию одного из видов дикорастущих растений, которые произрастают в северном полушарии и имеют привлекательный желтый цвет, который обозначает энергию и счастье. Лютик как второстепенный персонаж имеет свойственные ему черты жизнерадостности и энергичности, тем самым объясняя соответствие имени.

Плотва – это зооним. Плотва – кличка всех ездовых лошадей главного героя. Ведьмак меняет лошадей, но даёт одну и ту же кличку. Так же называется вид пресноводных рыб. Этимология данной клички может заключаться в том, что рыб такого вида много, также как и лошадей в жизни главного героя (после смерти одной лошади, Геральт меняет ее на другую, сохраняя при этом кличку, чтобы не запутаться в именах).

Лильвани (ориг. *Lilvani*) – теоним. Божество севера, которое является богиней луны. Она особо почитаема на землях Велена и Элландера. Прообразом этой богини являются несколько божеств западнославянской мифологии, например, Жива, Месяц.

Эмиль Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой – высший вампир и один из основных персонажей литературной саги. Регис представляется скрытым, хладнокровным и застенчивым человеком невероятного ума, он пользуется уважением и почетом, свойственными его положению в обществе. Имя персонажа содержит намек на продолжительность жизни вампиров, которые живут не одну сотню лет и могут брать себе разные имена.

Эмгыр вар Эмрейс – император Нильфгаарда из династии Эмрейсов, правивший во второй половине XIV в. Правитель, сумевший сделать из Нильфгаарда великую империю. Это имя интересно своим непростым произношением и намеком на отрицательные качества персонажа, которые раскрываются в процессе повествования.

Скеллиге – государство, расположенное на архипелаге с таким же названием. Этот архипелаг является довольно древним, и эти земли окутывает очень много легенд. Архипелаг состоит из 20 островов, самым крупным из которых является Ард Скеллиг. Название архипелага является топонимом и может происходить из скандинавской мифологии, поскольку на данном архипелаге, по сюжету книг, проживают народы, своими традициями и обычаями напоминающие викингов.

Можно сделать вывод, что в произведениях А. Сапковского разные персонажи принадлежат к одному виду онимов, но при этом содержат в себе другие виды онимов. Автор придумывает персонажей с необычными именами, которые больше всего по звучанию предполагают древнеславянское происхождение из мифов и легенд. Автор использует двойные имена, которые могут быть отсылками к роду деятельности персонажей, а также местности, откуда персонажи родом. Также в цикле произведений встречаются онимы, которые несут в своей форме или содержании дополнительное значение и раскрывают личные качества или характеристики именуемых объектов или персонажей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапковский, А. Ведьмак : фантаст. романы / А. Сапковский. – М. : АСТ, 2016. – 1340 с.

УДК 811.161.1'27:811.161.3'27

М. А. БОГДАН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ЭКЗОТИЗМОВ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Цикл Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» – «книга, со страниц которой <...> вставал мир украинской народной жизни, с ее героическими преданиями и современными заботами, хитроумными проделками парубков и кознями нечистой силы, – эта книга блистала яркими свежими красками, поражала оригинальностью и выразительностью языка» [1, с. 64]. Сам Н. В. Гоголь в «Предисловии» ко второй части цикла, в которой размещена повесть «Ночь перед Рождеством», сообщает: «В этой книжке есть много слов, не всякому понятных. Здесь они почти все означены» [2, с. 86–88].

Цель статьи – исследование типов и функций украинизмов в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Материалом послужил текст повести Н. В. Гоголя «Вечера на Хуторе близ Диканьки» [2] и отобранные украинизмы (48 языковых единиц), которые проанализированы с опорой на классификацию, предлагаемую М. И. Качор [3].

В кратком словаре «Языковые контакты» В. М. Панькина и А. В. Филиппова украинизмы определяются как «заимствования из украинского языка в другие языки. Они есть в небольшом числе в русском языке: *борщ, бублик, гопак, гай, гривна, левада, маляр, наймит, самостийный, хлеботор* и др. [4]. В настоящей статье под украинизмами будут пониматься «слова, фразеологизмы, а также синтаксические и грамматические конструкции украинского языка, используемые в другом языке (литературном или разговорном), т. е. слово или оборот речи в каком-либо языке, заимствованные из украинского языка или созданные по образцу украинского слова или выражения. Отметим, что «украинизмами также являются экзотизмы» [4] – «иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре других стран и народов» [5, с. 133] и иноязычные вкрапления «слова и обороты, представляющие собой своеобразные клише, идиоматические выражения, обычно передаваемые графическими и фонетическими средствами языка-источника» [5, с. 133], «помогающие создать украинский колорит повествования: *зозуля, горилка, кат* и т. д.» [4]. Ю. В. Манн отмечал, что «украинская лексика, фразеология, сам вклад украинской речи оказывали влияние на язык повести «Ночь перед Рождеством», выполняя определенные художественные функции. Украинизмы повышали поэтичность любовных объяснений, усиливали бытовую характерность жанровых сцен, обостряли комизм сатирических описаний» [1, с. 64].

Анализ языкового материала показал, что в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» встречается пять типов украинизмов.

I. Фонетические (7 единиц), к которым относятся слова: 1) в написании с буквой **ы** в тексте, что соответствует украинской букве **и** и произношению звука [и^е]: «...*скрып* мороза под сапогом слышался за полверсты <...> вызывая <...> *девушек выбежать скорее на скрыпучий снег* [2, с. 89], ср.: рус. (здесь и далее рус. – русское слово) ск[р'и]п, ск[р'и]пучий – укр. (здесь и далее укр. – русское слово) ск[ри^е]п, ск[ри^е]пучий; 2) в написании с буквой **и** в тексте, что соответствует украинской букве **і** и произношению звука [і] (из ѣ > *[ē]): «...*к ней хаживал* <...> и *козак Корний Чуб*» [2, с. 124]; «...*дивчата помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцями*

на льду» [2, с. 124], ср.: рус. Кор[н'эй], [д'и^е]вчата – укр. Кор[н'ій], [д'і]вчата; 3) в написании с буквой **й** в тексте, что соответствует украинской букве **ї** и произношению звука [йі]: «...есть такие, что имеют жен в **Украине**» [2, с. 122], ср.: рус. *Украине* – укр. Укра[йі]ні; 4) с прогрессивной диссимиляцией: «*пропадай душа, пойду утоплюсь в **пролубе**, и поминай как звали!*» [2, с. 107], ср.: рус. в про[ру]би – в про[лу]бе; 5) с переходом носовых [н] в [м] и в написании с буквой **и** в тексте, что соответствует украинской букве **и** и произношению звука [и^е]: «...**Микита**, ездивший через каждые две недели в *Полтаву*» [2, с. 93], ср.: рус. [Н'ик'и]та – укр. [Ми^ек'і]та; 6) с сохранением оканья, характерным для украинского языка: «... он знал, что богатый **козак** Чуб приглашен дьяком на кутью...» [2, с. 91], ср.: рус. [к^зак] – укр. [козак].

II. Лексические (16 единиц), распределенные по 6 тематическим группам (далее – ТГ), где 1 и 5 ТГ составляют экзотизмы: 1) ТГ «человек»: «*Нам никто не помешает: **жинки** нет дома*» [2, с. 113], *жинка* – жена [2, с. 86]; «*Еще ни одна толпа **парубков** не показывалась под окнами хат...*» [2, с. 89], *парубок* – парень [2, с. 87]; «*Спереди совершенно **немец**...*» [2, с. 89], «*немцем* называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – всё немец» [2, с. 89]; «...я тебе достану такие *черевички*, какие редкая **панночка** носит» [2, с. 102], *панночка* – уменьшительно-ласкательная форма к панна ‘госпожа’ (прим. авт.); 2) ТГ «предметы одежды»: «...а мне некому достать такие славные *черевички*» [2, с. 102], *черевички* – башмаки [2, с. 88]; «*А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую **плахту***» [2, с. 98], *плахта* – нижняя одежда женщин из шерстяной клетчатой материи [2, с. 87]; «*Шел ли набожный мужик, или дворянин <...> одетый в **кобеняк** с **видлогою***» [2, с. 98], *кобеняк* – род суконного плаща с пришитою назади видлогою [2, с. 87]; *видлога* – откидная шапка из сукна, пришитая к кобеняку [2, с. 86]; «...скинула *теплый кожух*...», *кожух* – тулуп [2, с. 87]; 3) ТГ «продукты питания»: «*Положим, что они набиты **гречаниками** да коржами...*» [2, с. 112], *гречаник* – хлеб из гречневой муки [2, с. 86]; «*Хотя бы были тут одни **паянницы**, и то в шмак...*» [2, с. 112], *паяница* – небольшой хлеб, несколько плоский [2, с. 88]; «...будет **варенуха**, перегонная на шафран водка и много всякого съестногого» [2, с. 91], *варенуха* – вареная водка с пряностями [2, с. 86]; «...стояла миска с **галушками**» [2, с. 108], *галушки* – клецки [2, с. 86]; 4) ТГ «деньги»: «...купила прошлый год на ярмарке *кочергу*, дала **пивкопы**...» [2, с. 114], *пивкопы* – двадцать пять копеек [2, с. 88]; «...взяли синей *китайки* по шести **гривен** аришин» [2, с. 93], *гривна* – национальная валюта Украины (прим. авт.); 5) ТГ «этнографические понятия»: «*То вдруг один из толпы вместо колядки отпускаял **щедровку**...*» [2, с. 106], *щедровка* – песенка, распевавшаяся детьми и молодежью в канун Нового года, тогда как в канун рождества распевались колядки [2, с. 106]; 6) ТГ «признак действия, качества» составляют наречия: «... кое-где начали *поговаривать старухи, особенно* когда выпивали где-нибудь на веселой сходке *лишнее*» [2, с. 99], *особливо* – особенно (прим. авт.); «...и то **добре**» [2, с. 112], *добре* – хорошо (прим. авт.).

III. Словообразовательные (2 единицы), к которым относятся слова с украинскими формантами: **-еньк-** с уменьшительно-ласкательным значением: «– Будет *готов, мое серденько*» [2, с. 95]; **-щин(а)**: «...есть такие, что имеют жен и в **Турещине**» [2, с. 122], ср. рус. *Турция* – укр. *Туреччина*.

IV. Грамматические (17 единиц), к которым относятся: 1) существительные, прилагательные, неопределенные местоимения женского рода с окончанием **-ою** в форме творительного падежа единственного числа: «*месяц один только заглядывал в них **украдкою***» [2, с. 89]; «*Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел **тучею** по небу*» [2, с. 89]; «– *То-то что нет, – выговорил Чуб с **некоторою досадою***» [2, с. 93];

«Разве хочется, чтобы выгнала за дверь **лопатою?**» [2, с. 95]; «...не поестъ жирных с **сметаною** вареников» [2, с. 98]; «...надевши яркую плахту с **китайчатою** запаскою...» [2, с. 98]; «поравнялся с **Оксаною** и сказал твердым голосом» [2, с. 107]; «...увидел Пацюка <...> перед небольшою **кадушкою**...» [2, с. 108]; «Голова облизывался, воображая, как он разговееется **колбасою**» [2, с. 124]; «заболтал **ногою** и забежал с другой стороны» [7, с. 91]; 2) существительные мужского рода с окончанием **-у** в родительном падеже единственного числа: «**Канцелярист** и **волостной писарь** третьего году взяли синей **китайки**» [2, с. 93]; «...мне покойный шинкаръ Зозуля раз привез **табаку** из Нежсина [2, с. 94]; «Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого **морозу**» [2, с. 105]; 3) употребление существительных в звательном падеже: «– **Помилуй, мамо!**» [2, с. 120]; «– **Ах, батько!** – произнесла Оксана...» [2, с. 115]; «...**чоловиче**, прошу не погневиться..!» [2, с. 115–116]; «– **Здравствуйте, панове!**» [2, с. 117].

V. Синтаксические (2 единицы), построенные по образцам предложно-падежных сочетаний украинского языка: «...как не зайти к **Солохе**, не поестъ жирных с **сметаною** вареников...» [2, с. 98]; «Есть у нас не мало таких, которые имеют жен, только не живут с ними **на Сечи**» [2, с. 122].

В повести встречаются **иноязычные вкрапления** (4 единицы), которые употребляются: 1) в репликах диалогов: «– **Та, вси, батько!** – отвечали запорожцы, кланяясь снова» [2, с. 120]; «– **Та спасиби, мамо!**» [2, с. 120]; 2) отрывках из щедровок: «**Мені с жінкой не возиться...**» [2, с. 106]; «**То вдруг один из толпы вместо колядки отпускарщевку и ревел во все горло: Шедрик, ведрик! / Дайте вареник, / Грудочку кашки, / Кільце ковбаски!**» [2, с. 106]. Иноязычные вкрапления используются не в авторском повествовании, а в речи героев, данным приемом Н. В. Гоголь погружает читателя в атмосферу событий, которые происходят в повести, культуру украинского народа.

Таким образом, украинизмы всех рассмотренных выше типов создают колорит, составляют жанрово-стилевое своеобразие, выполняют текстообразующую функцию, образуют языковую основу повести «Ночь перед Рождеством». Украинизмы в произведении выполняют номинативную и изобразительную функции, помогают автору познакомить читателя с Диканькой, ее жителями и их бытом, способствуют созданию эстетических впечатлений, передаче национально-культурного колорита.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манн, Ю. В. Гоголь Н. В. Язык его произведений / Ю. В. Манн // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / сост. М. В. Панов. – М. : Педагогика, 1984. – С. 64–68.
2. Гоголь, Н. В. Ночь перед Рождеством / Н. В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки : повести, изд. пасичником Рудым Паньком. – Минск : Юнацтва, 1981. – С. 89–126.
3. Качор, М. И. Функции украинизмов в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» [Электронный ресурс] / М. И. Качор // Межкультурная коммуникация в современном обществе : материалы III Междунар. науч. конф., Саранск, 16 нояб. 2012 г. – Режим доступа: <https://yazik.englishleo.ru/2012-16.php>. – Дата доступа: 30.03.2023.
4. Панькин, В. М. Языковые контакты [Электронный ресурс] : крат. слов. / В. М. Панькин, А. В. Филиппов. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 160 с. – Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/6-982-ukrainizmy.htm>. – Дата доступа: 30.03.2023.
5. Крысин, Л. П. Заимствование / Л. П. Крысин // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – С. 132–133.

УДК 811.112.2 '37

П. А. ВОРОНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. П. Королюк, старший преподаватель

РОЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ В ИЗУЧЕНИИ КОНЦЕПТОВ

В исследовании концептов немаловажную роль играют психолингвистические исследования ассоциаций. Представители одной культуры могут по-разному ассоциировать на одинаковый стимул в зависимости от места, ситуации и времени. При знакомстве с незнакомым явлением или предметом наш мозг начинает более активную деятельность, сразу же происходит мысленное сравнение со знакомыми явлениями и у человека создаются конкретные ассоциации.

Ассоциативное поле, которое трактуют как совокупность ассоциатов на слово-стимул [1, с. 44], относится к одному из главных видов полей в лингвистике. Ассоциации от слова-стимула можно получить при проведении ассоциативного эксперимента. В качестве стимула рассматриваются ключевые слова репрезентанты исследуемого поля. Говоря о структуре ассоциативного поля, выделяют ядро и периферию. В ядро входят наиболее частотные реакции на слово стимул, а в периферию – остальные реакции-ассоциации. В свою очередь ассоциация – это связь между психическими явлениями, при которой актуализация одного из них влечет за собой появление другого [1, с. 171].

С целью изучения когнитивных признаков концепта исследователь обращается к ассоциативному эксперименту, который является наиболее продуктивным психолингвистическим методом изучения концептов. Ассоциативное значение, обладая избыточной культурной информацией, воспроизводящей индивидуальные ценности, обычаи и опыт народа, является, в своём роде, транслятором культуры. Данный эксперимент позволяет раскрыть особенности национального языкового сознания, он сообщает исследователю, каким образом сознание идентифицирует слово-стимул и в каком смысловом объеме лексические единицы содержатся в сознании носителей языка [2, с. 113]. С целью выявления из ассоциативного эксперимента когнитивных данных, следует выполнить когнитивную интерпретацию результатов эксперимента, подытожив полученные ассоциаты в когнитивные признаки. Слова-ассоциаты будут выступать в качестве языковых средств вербализации когнитивных слоёв и отдельных когнитивных признаков [3, с. 42].

Существуют два вида ассоциативного эксперимента: свободный и направленный. Как свободный, так и направленный эксперимент даёт исследователю возможность выделить различные когнитивные признаки исследуемого концепта, но в нашем исследовании мы будем придерживаться свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), при котором респондент должен как можно быстрее реагировать на слово-стимул *Zeit* тем словом, которое сразу пришло ему на ум. К участию в САЭ были привлечены 40 студентов БрГУ имени А. С. Пушкина факультета иностранных языков, которые изучают не только немецкий язык, но и культуру страны. Испытуемым предлагалось следующее задание: *Was fall dir ein, wenn du das Wort Zeit hörst?* Во время эксперимента была исключена возможность общения студентов между собой, респонденты не получали дополнительных инструкций или помощь. Все полученные ассоциации проведенного САЭ были спонтанными. В ходе эксперимента были получены ассоциативные реакции, представленные в следующей таблице.

Таблица – Результаты ассоциативного эксперимента

1. <i>Geld</i>	22	15. <i>Emotionen</i>	6	29. <i>Wecker</i>	2
2. <i>Leben</i>	19	16. <i>Möglichkeit</i>	5	30. <i>Doppelstunde</i>	2
3. <i>Mangel</i>	18	17. <i>Veränderung</i>	5	31. <i>Hoffnung</i>	2
4. <i>Erwartung</i>	15	18. <i>Schlaf</i>	5	32. <i>Armbanduhr</i>	2
5. <i>Zeitverschwendung</i>	14	19. <i>Studium</i>	4	33. <i>Freunde</i>	2
6. <i>Bewegung</i>	12	20. <i>Kalender</i>	4	34. <i>Abendessen</i>	1
7. <i>Arbeit</i>	12	21. <i>Zukunft</i>	3	35. <i>Prüfung</i>	1
8. <i>Alter</i>	11	22. <i>Geschwindigkeit</i>	3	36. <i>Sekunde</i>	1
9. <i>Augenblick</i>	10	23. <i>Kindheit</i>	3	37. <i>Reisen</i>	1
10. <i>Vergänglichkeit</i>	8	24. <i>Familie</i>	3	38. <i>Ferien</i>	1
11. <i>Erholung</i>	8	25. <i>Glück</i>	3	39. <i>Stress</i>	1
12. <i>Zeitplan</i>	7	26. <i>Fortschritt</i>	3	40. <i>Jahr</i>	1
13. <i>Verspätung</i>	7	27. <i>Verlauf</i>	3	41. <i>Zug</i>	1
14. <i>Deadline</i>	7	28. <i>Stipendium</i>	3	42. <i>Krise</i>	1

В ходе анализа результатов исследования мы разделили полученные ассоциаты на группы. Анализ данных позволил распределить результаты эксперимента в следующие категории:

1. Эмоции: *Erholung, Emotionen, Familie, Glück, Freunde, Reisen, Ferien, Stress, Zug.*
2. Состояние: *Erwartung, Bewegung, Verspätung, Veränderung, Fortschritt, Hoffnung, Krise.*
3. Расписание: *Zeitplan, Deadline, Schlaf, Kalender, Wecker, Armbanduhr, Abendessen.*
4. Труд: *Geld, Arbeit, Studium, Stipendium, Doppelstunde, Prüfung.*
5. Скорость движения времени: *Augenblick, Vergänglichkeit, Geschwindigkeit, Verlauf.*
6. Единицы исчисления времени: *Zukunft, Sekunde, Jahr.*
7. Возрастная периодизация / физиологическое состояние: *Leben, Alter, Kindheit.*
8. Недостаток / трата времени: *Mangel, Zeitverschwendung.*

Таким образом, наиболее частыми реакциями на слово-стимул *Zeit* были *Geld, Leben* и *Mangel*, относящиеся к разным категориям, а именно: труд, физиологическое состояние и недостаток времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 487 с.
2. Глухов, В. П. Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 351 с.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с.

УДК 808.26–541.2

М. І. ДЗМІТРУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

**ПАЭТОНІМІКОН П’ЕСЫ ЗІНАІДЫ ДУДЗІЮК
“НАРАДЗІЎСЯ Я ЛІЦВІНАМ”**

Аднаактовая п’еса “Нарадзіўся я ліцвінам” расказвае пра Тадэвуша Касцюшку, які ў цяжкую часіну пасля паражэння паўстання трапіў у палон. І хоць яго вызвалілі з Петрапаўлаўскай крэпасці і пасялілі ў палацы ў Пецяярбургу, але гэтая залатая клетка прыгнятала. Гледачы п’есы становяцца сведкамі таго часу, калі Касцюшка пакутліва робіць выбар свайго далейшага лёсу.

Перадаючы дух мінуўшчыны, берасцейская пісьменніца ўмела выкарыстоўвае нацыянальна-культурную інфармацыю ўласных імёнаў.

Загалавак п’есы “*Нарадзіўся я ліцвінам*” належыць да *ідэйна-характарыстычнага* тыпу, бо змяшчае аўтарскую ацэнку галоўнага героя твора – патрыёта Айчыны, сілу і незалежнасць якой ён хацеў адрадыць. Пісьменнік-краязнаўца Анатоль Бензюрук піша: «Касцюшка заўсёды ўсведамляў сябе *ліцвінам* – грамадзянінам Вялікага Княства Літоўскага – гістарычнай Літвы-Беларусі. У сваім знакамітым звароце на імя ваяводы Ю. Несялоўскага Т. Касцюшка настойліва прасіў перавесці яго з польскай арміі ў войска Вялікага Княства Літоўскага, пры гэтым выказваўся надзвычай эмацыянальна: “Хіба вы адмаўляецеся ад мяне і лічыце няздольным служыць Вам? Кім жа я ёсць? Хіба я не *ліцвін*, Ваш зямляк, Вамі абраны? Каму павінен дзякаваць, калі не Вам? Каго павінен абараняць, калі не Вас і сябе самога? Зямлякі і суайчыннікі мае! На вашай зямлі я нарадзіўся і ў запале праведным да маёй Бацькаўшчыны адгукаецца ўва мне найасаблівейшая прыхільнасць да тых, паміж якіх пусціў я карані жыцця...” [1, с. 5–6]. Жыццёвае крэда змагара выражана ў заключных словах п’есы, у якіх – абгрунтаванне назвы твора: “Цары часовыя: сёння – адзін, заўтра – іншы, а мая Радзіма вечная. А што ж будзе са мною? Цяпер мне зноў давядзецца шукаць прытулку на чужыне, бо не магу я служыць чужою цару, нават калі прысягну яму. Хачу служыць толькі свайму народу. Чым бы я ні займаўся, дзе б ні жыў, я заўсёды думаю пра яго, жыву і буду жыць дзеля яго! Праз адлегласць і час *я застаюся ліцвінам!* Помні мяне, Радзіма! Я іду да цябе” [2, с. 43].

Ядро анамастыкону твора складаюць імёны людзей – *антрапонімы*. У ліку персанажаў твора – рэальныя гістарычныя асобы. На старонках п’есы сустракаюцца *онімы-сучаснікі* (імя кіраўніка нацыянальна-вызваленчага паўстання 1794 г. *Тадэвуша Касцюшкі*, імператара Расіі *Паўла*, яго сыноў *Канстанціна* і *Аляксандра*, які пазней стаў царом *Аляксандрам I*) і *онімы-рэтраспекцыі* (імёны імператрыцы *Кацярыны*, караля Рэчы Паспалітай *Станіслава Аўгуста* Панятоўскага, генералісімуса *Суварова*, фаварыта расійскай імператрыцы графа *Арлова*, каханых Касцюшкі *Людвікі Сасноўскай* і *Тэклі Жураўскай*).

Героі твора носяць хрысціянскія імёны іншамоўнага паходжання, запазычаныя з грэчаскай: *Тэклія* (грэч. ‘слава Божая’), *Аляксандр* (грэч. ‘абаронца людзей’), *Кацярына* (грэч. ‘чыстая, цнатлівая’); *старанямецкай*: *Людвіка* (ст.-ням. ‘слава і бітва’), *лацінскай*: *Аўгуст* (лац. ‘свяшчэнны, велічны’), *Павел* (лац. ‘малы ростам’), *Канстанцін* (лац. ‘цвёрды, настаянны’), *старажытнаяўрэйскай* мовы: *Іван* (ст.-яўр.

‘Боская ласка’), *Тадэвуш* (ст.-яўр. ‘пахвала’), *Юзаф* (ст.-яўр. ‘памножаны’). Адзначана таксама імя славянскага паходжання: онім-кампазіт *Станіслаў* (ад ‘станавіцца слаўным’). Заўважым, што імёны персанажаў п’есы з’яўляюцца паказчыкам іх прыналежнасці да каталіцызму (імёны каханых Касцюшкі *Людвікі* Сасноўскай і *Тэклі* Жураўскай, польскага караля *Станіслава Аўгуста* Панятоўскага і яго пляменніка *Юзафа*) і праваслаўя (імёны пецябургскага слугі Касцюшкі *Івана*, расійскіх імператараў *Паўла*, *Аляксандра*, імператрыцы *Кацярыны*). Многія каталікі мелі два імені. Напрыклад, кароль Рэчы Паспалітай *Станіслаў Аўгуст* Панятоўскі.

Адаптаваўшыся да словаўтваральнай сістэмы славянскіх моў, хрысціянскія імёны (грэчаскія, лацінскія, старажытнаяўрэйскія паводле паходжання) сталі ўтвараць шматлікія эмацыйна-ацэначныя формы. Выкарыстоўваюцца такія формы і ў п’есе З. Дудзюк. Так, пяшчоту, любоў да каханых выражаюць памяншальна-ласкальныя формы іх імёнаў: “*Я хачу бачыць толькі цябе, Тадзік! Ты адзін мне – сонца, месяц, зоркі і ўвесь сусвет! Гэта проста неверагодна! Мы шмат гадоў знаёмыя. Здаецца, я ведаю кожную рысачку твайго твару, але не перастаю захапляцца табою, тваёю душою, розумам*” [2, с. 30]. Заўважым, што такія формы – сродак характарыстыкі самога Тадэвуша Касцюшкі, мужанага чалавека, здольнага на глыбокае пачуццё: “*Людвіся! Ты тут! Са мною! Ідзі ж да мяне, дзяўчынка мая*” [2, с. 27]; “*Нават пазней, калі хацеў ажаніцца з Таклюсяю, гэта было ўжо далёка не тое палымянае каханне, якое я адчуваў да Людвікі*” [2, с. 33].

Паводле нормаў даўняга этыкету, імёны і прозвішчы ўжываліся ў спалучэнні з паказчыкамі сацыяльнага рангавання, што адлюстравана ў рэпліках герояў п’есы брэсцкага аўтара: “*Мне трэба падумаць, ваша вялікасць імператар Расіі Павел Першы*” [2, с. 34]; “*Пан Сасноўскі, дазвольце вас патурбаваць*” [2, с. 32]; “*А, пан Тадэвуш! Заходзь! Рады цябе бачыць!*” [2, с. 32]; “*Хто ведае, для якой справы даў вам Бог жыццё! Вы ж маглі і не нарадзіцца, пан Касцюшка!*” [2, с. 28].

Сродкам перадачы гістарычнага каларыту і стварэння партрэтаў персанажаў з’яўляюцца *прозвішчы*.

У творах берасцейскай пісьменніцы можна выдзеліць, па-першае, прозвішчы, утвораныя ад каляндарных імён (*Касцюшка*), па-другое, прозвішчы, што ўзніклі ад мірскіх імён апелятыўнага паходжання. У аснове гэтых антрапонімаў ляжаць былыя мянушкі апелятыўнага паходжання, што называюць асобу па розных прыкметах: па фізічных і маральных якасцях (*Сувораў* (рус. *суворый* – ‘суровы, бурклівы, злосны’, ‘рабы, васпаваты’, *сувор* – ‘нелюдзім, сугней’) [3, с. 396], *Журоўская* (укр. *жура*, *джура* ‘казацкі слуга-збраяносец’, *жура* ‘журба’ [3, с. 148]. Адзначым таксама прозвішчы, утвораныя ад мянушак – назваў птушак і раслін, з’яў прыроды (*Арлоў*, *Сасноўскі*).

Прозвішча здаўна было выразнікам сацыяльнага статусу асобы. Так, у п’есе ўжыты прозвішчы беларускай і польскай шляхты на -ск-, -оўск-, аўск-: *Сасноўскія*, *Любамірскія*, *Панятоўскі*, *Журоўскія*. Прозвішчы расійскіх дваран і вайскоўцаў уключаюць суфіксы -оў-, -аў-: *Арлоў*, *Сувораў*. Прозвішча галоўнага героя твора ўтрымлівае звесткі пра паходжанне сям’і, роду. У кнізе “Касцюшкі-Сяхновіцкія: гісторыя старадаўняга роду” пісьменнік-краязнаўца Анатоль Бензюрук расказвае пра паходжанне прозвішча сям’і героя Беларусі, Польшчы, Амерыкі. У раздзеле “Імя становіцца прозвішчам” аўтар адзначае, што ўсе дакументы, складзеныя пры жыцці першага ўладара маёнтка Сяхновічы, пісара вялікага князя Літоўскага, называюць яго “*Костюшко*”. Гэта памяншальная форма хрысціянскага імені *Канстанцін*. Прадстаўнікі сярэдняга і дробнага баярства ў старажытнасці іменаваліся менавіта такімі памяншальнымі формамі, як *Васко* (замест Васіль), *Гурко* (замест Рыгор). Гэтыя формы ў XV–XVI ст.

лічыліся нарматыўнымі, зацверджанымі ў шматлікіх справаводчых паперах. Імёны прадстаўнікоў вышэйшага дваранства ўжываліся пераважна ў поўнай форме. “*Імя Касцюшкі Фёдаравіча ператварылася ў сямейнае прозвішча, таму што з 15 студзеня 1515 года ён зрабіўся дваранінам гаспадарскім, выканаўцам даручэнняў вялікага князя. Да таго ж Касцюшка Фёдаравіч сумяшчаў пасады камянецкага суддзі і гараднічага. Апроч таго, у 1543 годзе ён быў вялікакняскім камісарам пры размеркаванні спрэчных земляў, а прыкладна ў той жа час (да 1549 года) удзельнічае ў размеркаванні каралеўскіх і шляхецкіх надзелаў каля Старога Сяла (Жабінкаўскі раён) на Берасцейшчыне*” [1, с. 22]. Грамадская дзейнасць Касцюшкі Фёдаравіча стала ўзорам для яго нашчадкаў. Бліскучая кар’ера – узвышэнне звычайнага баярына ў фактычнага кіраўніка старажытнага горада Камянца – адыграла вызначальную ролю ў замацаванні імені *Касцюшкі* за яго нашчадкамі як прозвішча: “*Імя слыннага продка стала часткаю спадчыны, якая трывала замацавалася за радзінаю*” [1, с. 22].

Значнае месца ў анамастыконе гістарычнай драматургіі займаюць так званыя “фонавыя онімы”. Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін у п’есе Зінаіды Дудзюк з’яўляюцца *тапонімы*: шматлікія назвы краін (*Сібір, Расія, Прусія, Аўстрыя*), гарадоў (*Варшава, Парыж*), рэк (*Прыпяць*) Беларусі і замежжа, з якімі звязаны лёс Тадэвуша Касцюшкі. Стварэнню гістарычнага каларыту спрыяюць таксама ўжытыя ў кантэксце драматычнай аповесці *ўстарэлыя тапонімы*, якія былі раскласіфікаваны паводле іх суадносінаў з сучаснымі назвамі. *Семантычным археонімам* з’яўляецца тапонім *Літва*, што ў п’есе ўжываецца ў значэнні ‘*старажытная дзяржава, што займала землі паміж сённяшнімі Навагрудкам, Маладзечнам, Мінскам, Слонімам*’. У прамовах Касцюшкі і яго паплечнікаў нярэдка гучыць зварот да старажытнай краіны: “*Вы належыце не толькі Літве і Польшчы, вы належыце ўсяму свету! Вы незвычайны чалавек! Я гатовы служыць вам, як Слуга, толькі б вярнуць вас чалавецтву*” [2, с. 28].

У рэпліках герояў п’есы – шчырых вернікаў – нярэдка *тэонімы* (найменне Бога) і *агіёнімы* (імёны святых), напр.: “*Вялікі грэх узвышацца над іншымі, бо ўсе людзі роўныя перад Богам*” [2, с. 25–26]; “*Даруйце, пан генерал... Я дзеля вас на ўсё гатовы... Даруйце, Хрыстом-богам праішу*” [2, с. 31].

Найважнейшымі рысамі анамастычнай прасторы п’есы Зінаіды Дудзюк з’яўляюцца пераважнае выкарыстанне імёнаў рэальных гістарычных асоб, а таксама адпаведнасць сэнсавай нагрукі і формы найменняў герояў структуры і семантыцы іменаслову XIX стагоддзя. Культурна-гістарычную функцыю выконваюць у п’есах “**фонавыя онімы**” (тапонімы, тэонімы, агіёнімы і інш.), якія з’яўляюцца сродкамі выражэння прасторава-часавых адносін у творах, а таксама адлюстравання светапогляду персанажаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Бензюк, А. Касцюшкі-Сяхновіцкія: гісторыя старадаўняга роду / А. Бензюк. – Брэст : Академия, 2006. – 130 с.
2. Дудзюк, З. Нарадзіўся я ліцвінам / З. Дудзюк // Маладосць. – 2012. – № 8. – С. 25–65.
3. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.

УДК 81

В. О. ЗИМИН

Могилев, Могилевский институт МВД

Научный руководитель – Е. Е. Иванов, преподаватель

**СТЕПЕНЬ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ТЕКСТА ПЕСНИ «КТО УБИЛ МАРКА?»
РЭП-ИСПОЛНИТЕЛЯ OXXXUMIRON**

Процессы информатизации современного общества предполагают, что наиболее ценным ресурсом в мире является информация. Объемы информации, воспринимаемой человеческим мозгом, существенно увеличились, и потому возросла значимость методов ее актуализации. Одним из методов можно считать использование образно-клиповых представлений, несущих культурную либо иную значимую информацию. Это могут быть разнообразные цитаты или фразы персонажей, крылатые фразы или фразеологизмы, паремии, названия произведений, имена их авторов и персонажей из различных источников. Такие единицы информации называются прецедентами или прецедентными текстами.

Под прецедентным текстом принято понимать текст, «существующий как таковой в литературной и/или иной действительности и включенный как хранящийся в памяти говорящего или пишущего в производимый им текст» [1, с. 23]. Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Ю. Н. Карауловым, который выделил следующие дифференциальные признаки таких текстов: 1) значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) известность широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, т. е. сверх личностный характер текста; 3) воспроизводимость прецедентного текста в дискурсе данной языковой личности при условии достаточной одновременной информированности об этом тексте и его содержании других членов общества. По мнению Ю. Н. Караулова, к прецедентным текстам не относятся, например, научные работы или газетные фельетоны, так как далеко не все представители социума их читают, однако источником прецедентных текстов является не только художественная литература. Прецедентные тексты существуют и до нее в виде мифов и устно-поэтических произведений; «в наше время в числе прецедентных наряду с художественными фигурируют и библейские тексты, и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т. п.), и публицистические произведения историко-философского и политического звучания» [2, с. 105–106].

Анализ творчества русскоязычного рэпера М. Я. Федорова (творческий псевдоним Oxxxumiron), а именно его песни «Кто убил Марка?», которая является своеобразным трейлером к новому альбому «Красота и Уродство», показал, что в его творчестве присутствуют различные виды интертекстуальных единиц: библеизмы, мифонимы, прецедентные имена собственные, разнообразные формы аллюзий на художественные тексты и реальные события. Однако мы уделили внимание поиску и анализу прецедентных единиц, а также рассмотрению третьего куплета песни как полноценного прецедентного текста.

Так, само название композиции, а именно «Кто убил Марка?» – это прецедент, где Марк является именем нарицательным и прямой отсылкой к библейской истории об апостоле Марке, просвещавшем язычников и впоследствии ими убитом. Стоит отметить, что большая часть текста песни также состоит из прецедентных единиц:

Тварь ли я дрожащая или право имею? – представляет собой фразу Раскольникова из романа «Преступление и наказание», которая обладает культурной значимостью, поскольку произведение оказало огромное влияние на мировую литературу и культуру.

Отчего так в России березы шумят? – цитата из песни группы Любэ «Березы», которая звучала из всех радио магнитофонов конца 90-х гг.;

Кто мы и откуда, откуда? – цитата из песни группы Бумбокс «Вахтерам», которая и по сей день остается самой запоминающейся песней в русскоязычной медиаиндустрии;

В чем сила, брат? – легендарная цитата из фильма «Брат 2», которая знакома практически всем на постсоветском пространстве;

What is love? – всемирно известный и запоминающийся танцевальный хит исполнителя Haddaway, который считается самым прослушиваемым треком в мире.

Анализируя текст, можно сделать вывод, что третий куплет песни сам по себе является прецедентным текстом, а его составляющие представляют собой своеобразные отсылки к известным источникам.

Еще одной особенностью текста является наличие в нем прецедентных единиц, которые обладают значимостью для более узкого круга людей, например, отсылка к Фродо (главный герой произведения) и Ородруину (название горы) будет известна людям, которые смотрели или читали произведение Р. Р. Толкиена «Властелин колец». Охххуmiron использовал песню как способ рассказать слушателям про ситуацию, которая заставила его «замолчать» на 10 лет. Внутри текста присутствуют прецеденты, понятные только участникам и фанатам отечественной рэп-индустрии. Например:

Vagabund (нем. *Скиталец*) – это независимый лейбл в рэп-индустрии, основателями которого стали Schokk и Охххуmiron;

Porchy – никнейм португальского саунд-продюсера, рэпера и певца, который сыграл важную роль в творчестве автора. Первая песня, которую Porchy спродюсировал для Охххуmiron, стала своеобразным манифестом и перезапуском карьеры последнего;

Booking Machine – концертное агентство, обладающее весьма либеральной репутацией.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что употребление прецедентных единиц в текстах песен является способом создания образного своеобразия музыкального произведения и одновременно приемом, позволяющим повысить степень заинтересованности различных категорий слушателей. Примером успешного использования прецедентов является творчество русскоязычного рэпера М. Я. Федорова (творческий псевдоним Охххуmiron), а именно его песня «Кто убил Марка?». Третий куплет песни представляет собой полноценный прецедентный текст, состоящий из отдельных единиц, обладающих культурной значимостью в таких сферах, как мировая литература и искусство, политика и история, кинематограф и музыка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лисоченко, О. В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и в речи / О. В. Лисоченко. – Ростов н/Д, 2007.

2. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : докл. совета делегации на 6-м конгр. МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–126.

УДК 81

И. С. КЛИМОВИЧ

Могилев, Могилевский институт МВД

Научный руководитель – Е. Е. Иванов, преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ГЕЙМЕРСКОГО СЛЕНГА В ИГРЕ CS:GO

Сленг в настоящее время динамичен, поскольку его использует большое количество людей в повседневном общении. Роль сленга в современном обществе можно проследить на примере динамичности его развития. Стоит отметить, что существуют различные виды сленга в зависимости от сфер его функционирования. В данной работе будут рассмотрены особенности геймерского сленга, который используется в игре CS:GO. Counter Strike Global Offensive – это игра, которая уникальна в своем роде, поскольку является одним из первых шутеров (игр-стрелялок) в истории компьютерных игр. Изначально это был вид командного боя в игре Half-Life, после же режим трансформировался в отдельную серию игр.

В настоящее время термин «сленг» толкуется по-разному, и существуют различные определения данного понятия. Однако в основе определения сленга лежит понятие о лексическом явлении или пласте определенной лексики. Такие слова или словосочетания называют сленгизмами. Сленг – это нелитературная лексика, находящаяся за пределами литературного языка с точки зрения современной литературной формы. Так же такая лексика возникает и употребляется преимущественно в устной речи. Сленг – это эмоционально окрашенное явление. Оно обладает ограниченным стилистическим употреблением, имеет ярко выраженную фамильярную окраску со спектром оттенков (шутка, пренебрежение, ирония, насмешка, грубость и т. д.). Стоит отметить, что эмоциональная окраска многих сленгизмов имеет общую черту – это негативная или критическая оценка обозначаемых действий, явлений или предметов, что отличает сленгизмы от слов литературной речи [1].

В зависимости от сферы функционирования сленг может быть разделен на виды, например: молодежный, интернет-сленг, геймерский. Геймерский сленг используется для коммуникации в процессе игры в компьютерные игры. Геймерский сленг возник одновременно с первыми играми, т. е. относительно недавно (20–25 лет назад), но в настоящее время популярность геймерского сленга растёт с каждым годом. Специфика заключается в том, что помимо того, что такой сленг кардинально отличается от литературных норм в обществе, он еще и принципиально разный по лексическому составу в большинстве игр.

При подробном рассмотрении в геймерском сленге игры CS:GO можно выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Названия мест в игре (объекты, места, обозначение определенных направлений на локации, их деление на определенные области). Например: «Чек лонг, кемперы за боксами с авиком!» – «Просмотрите длинную улицу, засада за ящиками со снайперскими винтовками АWP».

2. Тактико-специальные команды для более быстрой организации действий команды во время игрового раунда. Например: «Тим пуш мид, не пикаем!» – «Команда атакуем центр игровой локации, не привлекаем внимание!».

3. Обозначение оружия, вещей и других внутриигровых предметов. Например: «Я пикнул петуха, на дефьюз не хватило кеша» – «Я взял пистолет-пулемёт Р90, на комплект разминирования не хватило денежных средств».

4. Обозначение команд и игроков в игре. Например: «Тима КТ боты тупо, Теры им-бове» – ‘Команда спецназа играет как новички, группа террористов намного сильнее’.

Геймерский сленг CS:GO содержит в себе слова и предложения девиантного характера. Девиантный характер в данном контексте означает отклонения от моральных и литературных норм. Стоит отметить, что таких слов в игре не малое количество и это связано с самим жанром игры – «шутер», а также с возрастными особенностями поведения игроков. Главным источником девиантности выступает комьюнити (сообщество) игроков, которые играют в эту игру и порой общаются слишком эмоционально и с нарушением языковых и моральных норм. Отдельные сленгизмы исчезают и заменяются более современными, но принцип девиантности не нарушается. Приведем примеры:

1. Кемпер (крыса) – так отзываются игроки о тех, кто любит посидеть и подождать, пока противник придёт к ним сам, обычно такие игроки не имеют хорошую репутацию даже среди союзников по команде. Например: «Крыса драная в спину убила» – ‘Противник в засаде, нечестно убил меня в спину’.

2. Насадить на нож – данное выражение обладает высокой степенью девиантности, оно используется игроками, которые убивают холодным оружием противника. Убийство ножом означает, что игрок, который использовал его, имел преимущество, опыт, либо же был более удачлив. Например: «Насадил его как лоха!» – ‘Убил его с ножа как неудачника!’.

3. Устроить кровавую баню – такое выражение используют в случаях, когда вся команда противника при атаке погибает в первые 5–10 секунд после начала перестрелки. Встречается при игре на низких рангах. Например: «Устроили им кровавую баню!» – ‘Убили всю команду противника за 10 секунд’.

4. Дать на клык – такой сленгизм используется в случаях, когда противник погибает по своей неосторожности, невнимательности. Выражение является способом унижить противника, тем самым нанести урон его репутации и самооценке. Например: «Дал на клык боту!» – ‘Убил невнимательного новичка’.

5. Ботяра (Бот) – так игроки обычно отзываются о типе игроков, которые зачастую не могут создать преимущество своей команде, а наоборот, мешают игровому процессу и своим союзникам, тем самым выставляя себя не в лучшем свете в отношении команды. Данное выражение используют обычно для унижения союзника. Например: «Ботяра ты тупая, ты флешки раскидывать не умеешь?!» – ‘Новенький, ты такой идиот, ты не умеешь световые гранаты правильно кидать?!’.

Сленг в игре CS:GO представлен рядом лексико-семантических групп, состав которых определяется игровыми принципами. В игре CS:GO существует большое количество девиантных сленговых выражений, что связано в первую очередь со спецификой данного жанра компьютерных игр – «шутера». Можно отметить тенденцию увеличения девиантных сленгизмов в компьютерных играх, поскольку игровое комьюнити формирует принципы общения и приемлемых языковых моделей поведения в игре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сизов, С. Д. Понятие и функции сленга / С. Д. Сизов, Ю. С. Сизова // Юный ученый. – 2016. – № 5 (8). – С. 32–34. – Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/8/533/>. – Дата доступа: 28.02.2023.

УДК 81

В. С. КРАСНОВ

Могилев, Могилевский институт МВД

Научный руководитель – Е. Е. Иванов, преподаватель

**ФЕМИНИТИВЫ КАК ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
В ВЕДОМСТВЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ**

Человеческий язык существует уже множество столетий и трансформируется с течением времени под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. Языки обладают уникальными характеристиками, которые принято объяснять структурными либо культурными и историческими особенностями развития. Наличие в русском языке ряда существительных, использующихся для дистрибуции женского рода в названиях профессий, имеет культурные и исторические основания.

Такая категория лексики называется феминитивами. Феминитивы – имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним. Количество феминитивов в русском языке увеличилось с течением времени. Так, около 100 лет назад их было небольшое количество, а на сегодняшний момент их число возросло в несколько раз. «Феминитивы также возникали, но сегодня многие либо вышли из употребления, либо воспринимаются не так, как десятилетия назад. Например, «делегатка» или «депутатка» в свое время – совершенно нормальные слова. Теперь они существуют, но если мы говорим о народной избраннице всерьез, то назовем ее «делегатом» или «депутатом», феминитивы же используются, скорее, в ироническом ключе» [1]. Одним из объяснений такого роста может быть возросшая роль равноправия между мужчинами и женщинами, существование и активное развитие феминистического движения. «Отдельные феминитивы, несмотря на относительно недолгий период существования, стали нормативными и считаются языковой нормой. Получается, сто лет назад эмансипация была выраженной, чем сегодня. В данном случае язык отражает реальную ситуацию» [1].

Целью нашего исследования стало установление степени нормативности и употребимости феминитивов в речи курсантов Могилевского института МВД, а также установление социолингвистических закономерностей между нормативностью общения в ведомственном учреждении образования и степенью языковой свободы в повседневном общении.

Была выдвинута гипотеза о том, что феминитивы выступают инструментом нормализации общения в ведомственном учреждении образования и увеличения степени языковой вариативности в повседневном общении.

Объектом исследования являются феминитивы как лексическое явление, отличное от языковой нормы. Предмет исследования – установление степени употребляемости и нормативности феминитивов в речи курсантов института МВД.

Данное исследование проводилось в индивидуальном порядке. Каждый опрошенный излагал свое мнение о том, соответствуют ли феминитивы, указанные в анкете, речевым нормам русского языка, употребляют ли их и употребляют ли данные феминитивы другие.

В ходе исследования выявлено, что среди мужчин существует расхожее мнение, что слова *кадетка*, *спортсменка*, *двоечница*, *студентка* и *начальница* являются пра-

вильными и соответствуют правилам русского языка, так как они часто употребляются в повседневной жизни. Однако слова *капитанша* и *снайперша* обычно используются в шуточной форме или как форма издевательства и не входят в устоявшийся лексический фонд русского языка.

Кроме того, как показывают данные, как мужчины, так и женщины считают слова *курсантка*, *солдатка*, *генеральша*, *милиционерша*, *инспектрисса* и *офицерша* неправильными и нарушающими языковую норму.

В курсантском сообществе можно наблюдать употребление мужчинами форм женских профессий и званий, таких как *курсантка*, *кадетка*, *капитанша*, *кураторша*, *спортсменка*, *снайперша*, *двоечница*, *студентка* и *юристка*. Эти слова употребляются в повседневной жизни и могут использоваться как в юмористических контекстах, так и в связи с неполным знанием правил русского языка.

Существует некоторая неуверенность среди девушек относительно правильности употребления форм женских профессий и званий, а также относительно того, что употребление таких слов, как *капитанша*, *солдатка*, *офицерша*, *милиционерша*, *генеральша* или *инспектрисса* не соответствует стандартам русского языка и может привести к нарушению сформированной лингвистической нормы. Возможно, такое употребление данных слов в повседневной речи может навредить правильному использованию языка в обществе.

Сотрудники мужского пола склонны считать, что большинство мужчин используют феминитивы в своей речи. Однако наиболее часто употребляемыми словами считаются *кадетка* и *курсантка*, *кураторша* и *спортсменка*, *двоечница* и *студентка*, а также *юристка* и *начальница*. Употребление таких форм в речи другими мужчинами обусловлено существующей идеологией употребления данных слов.

Однако, с точки зрения женщин, употребление данных слов не так распространено среди их знакомых подруг, как это принято у мужчин. Тем не менее следует отметить, что некоторые женщины все же употребляют данные слова, хотя и в меньшей степени, чем мужчины. Следовательно, нельзя утверждать, что женщины вообще не используют эти термины.

В современном мире употребление слов-феминитивов является распространенным явлением в сфере ведомственных учреждений, а также наблюдается появление новых феминитивов со временем, что свидетельствует о дальнейшем развитии данной языковой категории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кронгауз, М. А. Феминитивы укоренятся, если изменится сама наша жизнь [Электронный ресурс] / М. А. Кронгауз. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/205025638>. – Дата доступа: 01.03.2023.

УДК 811.161.1;811.161.3:81'373.237

Я. С. ЛАДУТЬКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

БИОМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В УРБАНОНИМИИ Г. КОБРИНА

В настоящее время приобретают актуальность исследования городского ономастического пространства, поскольку именно город выступает в роли «центра» современной культуры [1 с. 78]. Лингвокультурологический подход к именам собственным (ИС) внутригородских объектов (урбанонимам), к онимам в целом позволяет рассматривать их как результат вербализации различных *культурных кодов* (КК).

Код означает класс знаков и правила их прочтения интерпретатором, он неизменно связан с той или иной культурой и всегда расшифровывается в соответствующей культуре [2, с. 89]. В. В. Красных определяет КК как сетку, которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, с. 5]. Коды занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются структурообразующими элементами последнего. Сама культура при этом выступает как совокупность гетерогенных КК [4, с. 232]. В специальной литературе называется целый список кодов (вариативен у разных авторов и открыт); некоторые из них, например биоморфный КК, оцениваются как базовые для культуры.

Наше исследование посвящено объективации биоморфного кода (носит комплексный характер и представлен растительным и зооморфным КК) в урбанонимах г. Кобрин, точнее – только в годонимах, эргонимах и (единичный пример) монументонимах; среди экклезионимов, агоронимов, хоронимов, ойкодонимов репрезентанты кода не отмечены.

Урбанонимы, объективирующие *растительный КК*, дают представление о флоре Кобринщины. Более того, многие растения используются в обрядности, народной медицине и магии, в картине мира белорусов «обросли» культурными смыслами, стали объектом символизации.

Растительный КК продуктивно представлен в ИС, мотивированных названиями деревьев: ул. *Березовая* (береза имеет много полезных свойств: ее листья лечат, ветви используются для веников, деготь и древесина применяются для разведения огня, ее сок пьют, на ее коре писали; кроме того, эта священная красавица лесов ассоциируется с чистой юной девой); ул. *Сосновая* (сосна, как вечнозеленое дерево, олицетворяет жизненную силу, долголетие, стойкость; является одним из природных символов Беларуси), ул. *Кашиановая*, *Ясенева*; пер. *Кленовый* (в мифологических представлениях восточных и западных славян в клен был по закланию превращен человек, поэтому дерево не используют на дрова, не делают из него гроб; в ветвях клена, верили наши предки, прячутся души умерших; суббота перед Троицей называлась «кленовой» [5]), пер. *Вербовый* (верба часто задействована в ритуальных обрядах как дерево, чьи силы способны влиять на жизнь человека; ветки, освященные в Вербное воскресенье, принято хранить в доме целый год до следующего праздника, ими украшают иконы в красном углу), пер. *Черемуховый* (черемуха, символ молодости, нежности, чистоты и любви, считается покровительницей влюбленных), пер. *Тополиный* и др.

Ряд урбанонимов отсылает к семиотизированным плодовым деревьям и кустарникам (их плодам): ул. *Малиновая* (малина вызывает представление о сладости, сладкой жизни; см., например, ФЕ *не жизнь, а малина*), ул. *Брусничная* (ягоду вечнозеленого

кустарника называют «царской»), ул. *Клубничная*; пер. *Абрикосовый*, *Виноградный*, *Грушевый*, *Вишневый* (вишня у христиан – символ жизни и радости, символ «крови Христовой»); Спаситель нередко изображается с вишнями в руках).

С цветами, травянистыми растениями связаны ИС: ул. *Льняная* (лен олицетворяет свет, чистоту, верность; из его волокон белорусы ткали полотно и шили одежду; его голубые цветы украшают государственный герб); пер. *Вересковый* (славяне использовали вереск в ритуалах от нечистой силы, злых духов), пер. *Ромашиковый*; детский магазин *«Ромашка»* (образ нежного цветка связан с православным Днем Святых Петра и Февронии – покровителей семьи, любви, верности); магазин ковров *«Фиалка»* (цветок считается семейным оберегом; эргоним подчеркивает способность фиалки, как и ковра, делать дом нарядным, уютным); магазин *«Цветы»*. Последнее ИС не просто указывает на специализацию торгового объекта, но и актуализирует востребованность цветов в нашей культуре: они украшают дома, общественные объекты, храмы, улицы; их дарят на праздники; с помощью «языка цветов» говорят о любви, благодарности и иных чувствах; их используют в обрядах, ритуалах и т. д. (например, на Купалье девушки плетут венки и пускают их по воде, гадая на суженого).

Примечателен факт, что растительный КК репрезентируют в основном ИС линейных объектов г. Кобрин. По наблюдениям исследователей, «флористические» топонимы встречаются в белорусской урбанонимии с XVI в. В настоящее время подобные названия есть практически в каждом городе нашей страны [6, с. 131–132], и они удачно «вписывают» населенный пункт в природный ландшафт, порождают положительные эмоции.

ИС внутригородских объектов демонстрируют наложение на растительный код иных КК: 1) гастрономического: магазин *«ЧайКофе»*; магазин овощей и фруктов *«Гранат»*; 2) антропоморфного и атрибутивного: магазин *«Перец»* (специализируется на мужской одежде, причем молодежной) – эргоним переключается с ФЕ *крутой перец* ‘современный или модный парень’; 3) атрибутивного: пер. *Сиреневый* – топоним устанавливает связь не только с кустами сирени, но и с изысканным цветом ее кистей.

Культура Беларуси отличается открытостью, многовекторностью, интересом к другим регионам, народам. Это находит отражение и в урбанонимиконе современного города, в появлении на его вывесках названий неместных реалий, в частности – флористических и фаунистических: салон красоты *«Сакура»* (декоративная вишня, цветущая красивыми розовыми цветами, является символом Японии; в сознании белорусского потребителя порождает образ скромной, нежной, красивой женщины, хорошей жены, мудрой матери); салон цветов *«Орхидея»* (древний тропический цветок отличается разнообразием красок и ассоциируется с изяществом, безупречностью, роскошью); магазин детской и подростковой одежды *«Авокадо»*; компания доставки суши и роллов *«Капибара»* (как отмечают номинаторы, «капибара – друг для всех; в названии хотели отразить свою отзывчивость, любовь и доброту как к нашим клиентам, так и к собственному делу, к своим коллегам. Мы хотим не только называться КАПИБАРА, но и быть Капибарами – для всех вас» [7]); ветеринарная клиника *«Акита Ину»* (ИС отсылает к названию японской породы собак, а также напоминает о псе Хатико, который стал символом верности и преданности не только в Японии).

Зооморфный КК в исследуемом урбанонимиконе представлен не столь активно (см. два последних примера выше), к тому же чаще в переплетении с другими КК: 1) гастрономическим: павильон *«Куры гриль»* (в христианстве наседка с цыплятами символизирует Христа с его паствой; у славян курица олицетворяет воспроизводство, материнскую заботу, что нашло отражение и в пословицах, поговорках, например, *каждая курица свой насест хвалит*); магазин *«Птенчик»* (принадлежит «Кобринской птице-

фабрике»; уменьшительно-ласкательный суффикс формирует у потенциального потребителя доверие, позитивное отношение) – в эргонимах название традиционной для белорусского сельского хозяйства птицы становится маркером предлагаемой продукции; 2) космографическим: автошкола *«Большая медведица»* / *«Большая Медведица»* (медведица у славян выступает как знак силы и одновременно заботы и теплоты) – второй вариант написания ИС, а в рекламных текстах встречаются оба, однозначно апеллирует к знакомому каждому из нас с детства названию созвездия; 3) духовным: магазин *алкогольных напитков «Три лося»* (упомянутое в ИС сильное и могучее животное выступает символом благородства) – представителям нашей лингвокультуры в ее, скажем так, застойной, питейной части знаком и другой лось – из расхожего (в разных версиях), не совсем серьезного тоста: «Пусть с тобою будет “лось”, чтобы елось и спалось, за троих чтобы пилося, чтоб хотелось и моглось, чтобы счастье не кончалось, о хорошем чтоб мечталось, чтобы дело удавалось, чтобы все всегда сбывалось»; скульптура *«Лебединая верность»* – именуемое произведение прославляет преданность и лебединую (этим птицам с длинной, красиво изогнутой шеей и плавными движениями свойственно хранить верность своему партнеру даже после его смерти), и человеческую.

Таким образом, урбанонимы относятся к «культуроносным» языковым единицам и репрезентируют экстралингвистическую информацию, вербализуют культуремы, образы-символы и связанные с ними стереотипные представления, характерные для белорусской лингвокультуры. Декодирование биоморфных ИС раскрывает связь белорусов с родной природой, интерес к другим культурам, к стоящим за «чужими» реалиями смыслами; демонстрирует разнообразно отражаемые «в сознании людей, в мифологическом творчестве и магически-ритуальной деятельности» представления о мире растений и животных [8, с. 427], а через них – и о самом человеке; раскрывает взаимодействие КК, их взаимопроникновение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко [и др.] ; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Минск : Эйлада, 2012. – 260 с.
2. Сарач, Х. Коды культуры как одно из основных понятий лингвокультурологии (на материале фразеологизмов с компонентом «камень» и «ветер» в русском и турецком языках) / Х. Сарач // *Ulakbilge* : междунар. журн. гуманитар. наук. – 2014. – № 3. – С. 81–97.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Клен [Электронный ресурс] // Мифология. – Режим доступа: <https://www.a700.ru/plants/woods/296-klen.html>. – Дата доступа: 01.04.2023.
6. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
7. О нас [Электронный ресурс] // Капибара. – Режим доступа: <https://kapibaras.by/kobrin/about>. – Дата доступа: 01.04.2023.
8. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.]; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

УДК 821.161.3-31

Н. С. ЛЕОНЕНКА

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. В. Леванцэвіч, канд. філал. навук, дацэнт

**ЛЕКСЕМА “ЖЫТА” Ў ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСЦЕ:
ЛІНГВАПРАГМАТЫЧНЫ АСПЕКТ**

Адметнасць, вобразнасць мовы твораў любога аўтара, яго індывідуальнасць ствараюць дарэчна ўжытыя індывідуальна-аўтарскія адзінкі, сінтаксічныя рэгіяналізмы, дыялектызмы, гаваркія словы, незвычайнае спалучэнне слоў і інш. Для абазначэння мастацкага стылю пісьменніка ў навуковы ўжытак уведзены тэрмін “мастацкі ідыялект”, які характарызуецца сукупнасцю кампанентаў аўтарскай моўнай сістэмы, што вызначае індывідуальныя мадэлі і спецыфіку выкарыстання агульналітаратурных сродкаў, выяўляе іх ролю ў аўтарскай рэпрэзентацыі, а таксама адлюстроўвае дынаміку іх асваення пісьменнікам.

Мастацкі тэкст з’яўляецца каштоўным матэрыялам для даследаванняў асаблівасцей светаўспрымання, мыслення пісьменніка і яго герояў. Светабачанне, асаблівасці нацыянальнай культуры выражаюцца праз словы-канцэпты. Адным з этнаспецыфічных канцэптаў для беларусаў з’яўляецца *жыта*.

Праз аналіз сістэмы важнейшых для аўтарскай моўнай свядомасці мастацкіх канцэптаў даследчыкі падыходзяць да больш шырокага абагульнення – інтэрпрэтацыі ідыястылю пісьменніка. Ідыястыль вызначаецца як сістэма змястоўных і фармальных лінгвістычных характарыстык, уласцівых творам пэўнага аўтара, якая робіць унікальным рэалізаваны ў гэтых творах аўтарскі спосаб моўнага выражэння.

Для вызначэння сутнасці і вартасці канцэпта для пэўнай лінгвакультуры аналізуюцца даныя лінгвістычных і энцыклапедычных слоўнікаў, мастацкія і публіцыстычныя творы. Паколькі тлумачальны слоўнік дае толькі самае агульнае ўяўленне пра значэнне слова, а энцыклапедычныя – пра паняцце, то для аналізу бяруцца самыя разнастайныя кантэксты: паэтычны, навуковы, філасофскі, публіцыстычны, аналізуюцца творы малога жанру (прыказкі, фразеалагізмы, загадкі).

Для лінгвістычнага аналізу намі выбраны кантэксты ўжывання лексемы *жыта* ў вершах беларускіх паэтаў. Картатэка сабранага матэрыялу налічвае 65 картак.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы падае наступныя значэнні лексемы *жыта*: ‘аднагадовая расліна сямейства злакавых, зерне якой скарыстоўваецца для прыгатавання хлеба’, ‘зерне гэтай расліны’, ‘(у множным ліку) жітнія палі’ [8].

У моўных кантэкстах лексема *жыта* рэпрэзентуецца як з паняццёвым значэннем, так і з канататыўным. Прыкладзём некаторыя з іх:

1) ‘запавет продкаў’: *Я вызнаў боль і праўду каласоў на матчыным загоне... // Колькі перажыта! // Дазволь наказ твой, матчынае жыта, // як зерні, ўзяць – з тваіх зямных асноў* [2, с. 4];

2) ‘жыццядайнасць зямлі’: *Зямлі патрэбна жыта... // Запавет адзіны і спрадвечны – людзям, нівам* [2, с. 4]; *Ідзе сяўба... // Зямлі патрэбна жыта. // Патрэбна жыта кранам, лемяхам, // маторам цягавітым і рукам, // абжытым берагам // і неабжытым* [2, с. 30];

3) ‘зямля, якая трымае памяць аб вайне’: *Жыта вяртала трывожна // з пожні – // гільзы, біклажкі парожнія, // пісьмы салдацкія – // з пекла апошняга бою //*

і фотакарткі, // спавітыя нашай журбою; // ярасць асколкаў, // ствалоў варанёных... [2, с. 6]; Жыта вяртала // імёны, імёны – // на кацялках, // на крывавах рубашках, // алюмініевых лыжках // і спражках... [2, с. 6];

4) ‘жывая асоба’: *Ехала жыта... // Цяжэла ў падводзе. // Бабкі стаялі ля весніц: // “Хай родзіць!” [2, с. 24];*

5) ‘аднагадовая расліна сямейства злакавых, зерне якой скарыстоўваецца для прыгатавання хлеба’: *Узяў жалейку і шчаслівы // Абцёр крысом сярмяжным з пылу... // На ўсе лады і пералівы // Яна ў яго загаварыла: // То звонам жаваранка ў жыцце, // То салаўіным свістам чулым... [4, с. 54];*

6) ‘багацце’: *А то ў Зайчышкі пасаг – // Руні жыта, // Зімой – зледзянелая // У полі ракіта [4, с. 37];*

7) ‘зерне гэтай расліны’: *Пакумаліся, і квіта: // Баба ўзяла бохан хлеба, // Пляшку водкі, торбу жыта; // Разышліся і паснулі [3, с. 49];*

8) ‘прамежак часу’: *Буду я з табой, // Пакуль жыта спелае [1, с. 10]; Зімою вабяць росныя лугі // і васількі, і жаўранкі над жытам... [1, с. 43];*

9) ‘жыццё’: *Было ў ім усякага жыта: // Тысячы добрых гадзін, // І сонца, і шчасце, і літасць, // І космас – на ўсіх адзін [5, с. 12]; Калі я ўспомню // Аб перажытым, // Жыцця гартаю // Спісаны шытак. // Пачуць хачу я // Дыханне жыта [5, с. 6];*

10) ‘жыццядайная сіла’: *Стаю ля жыта, // Малюся жыту, // Пішу пра жыта, // Ізноў пра жыта: // Умее жыта // Душу лячыць [7, с. 7]; Прачытае вершы Захарэвіч – // Я прапаў: без жыта захварэю, // У палі спяшаюся, дзе рос [7, с. 19].*

На сучасным этапе даследавання мовы твораў пэўных пісьменнікаў адчуваецца патрэба ў вызначэнні творчых адносін носбітаў мовы да тых моўных сродкаў, якія яны выкарыстоўваюць. Як адзначае Л. В. Леванцэвіч, “стварэнне тэксту – гэта перш за ўсё кадзіраванне інфармацыйных элементаў згодна з камунікатыўнымі задачамі” [6, с. 8]. Як бачыцца, камунікатыўныя задачы і прадвызначаюць ужыванне лексемы *жыта* з дадатковымі семамі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Аляхновіч, М. Вясновы роздум: з любоўю, надзеяй і вераю : зб. вершаў / М. Аляхновіч. – Брэст : Альтэрнатыва, 2020. – 120 с.
2. Арочка, М. Матчына жыта : паэмы і вершы / М. Арочка. – Мінск : Маст. літ., 1978. – 126 с.
3. Багушэвіч, Ф. К. Творы : вершы, паэма, апавяданні, артыкулы, лісты / Ф. К. Багушэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 309 с.
4. Казкі беларускіх пісьменнікаў : для мал. шк. узросту / укл. М. Зелянкова. – Мінск : Юнацтва, 1999. – 270 с.
5. Караткевіч, У. Быў. Ёсць. Буду : кн. паэзіі / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 174 с.
6. Леванцэвіч, Л. В. Лінгвакраязнаўства ў кантэксце моўнай культуры : манаграфія / Л. В. Леванцэвіч. – Брэст : БрДУ, 2020. – 188 с.
7. Панчанка, П. І вера, і вернасць, і вечнасць : вершы / П. Панчанка. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 111 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (агул. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

УДК 81'373.2:070.19

А. Э. МОИСЕЙЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В НОМИНАЦИИ
СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕМЕРОНИМОВ ВИТЕБСКОЙ
И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)**

В современном информационном социуме влияние СМИ касается всех сфер человеческой деятельности. Печатные, электронные, иные медиа являются не только одним из самых важных, значительных источников получения знаний о ситуации в современном мире, но и главным фактором формирования общественного мнения, культуры, мировоззрения [1, с. 64]. Успешность на медийном рынке зависит от многих факторов, среди которых – удачное, привлекательное название СМИ. В ономастике подобные имена собственные нередко обозначаются термином *гемероним* [2, с. 46].

Гемеронимы, как номинативные единицы, представляют собой результаты коммуникативных актов, в которых сложно переплетаются интенции и индивидуальные смысловые задания номинаторов. Именуемый субъект прибегает к тем или иным стратегиям, т. е. к сознательному плану решения частной проблемы для достижения поставленной коммуникативной цели [3, с. 109]. Выбранная стратегия реализуется посредством конкретных приемов – коммуникативных тактик.

Материалом для настоящего исследования послужили более 380 названий СМИ (печатных, сетевых медиа, телеканалов, радиостанций, теле- и радиопередач), функционирующих на территории Могилевской и Витебской областей. Рассмотренные медианоминации демонстрируют целый комплекс коммуникативных стратегий и тактик (при описании языкового материала во многом опираемся на [4]).

Стратегия информирования заключается в сообщении аудитории важных для нее сведений об именуемом объекте и реализуется в коммуникативных тактиках:

1) указание на место издания / выхода в эфир / регистрации СМИ. Языковыми репрезентантами тактики выступают нарицательные имена существительные с локативным значением, образованные от них прилагательные; топонимы, оттопонимные адъективы: газеты «Шестой регион» (6 – код Могилевского региона на автономерах), «Лепельскі край»; журнал «Современное образование Витебщины»; телеканал «Бобруйск 360»; радиостанция «Глуцкое районное радио»; интернет-портал «bobruisk.ru»; интернет-ресурс «gorki.gov.by» и др.;

2) сообщение идеи / тематики СМИ: газеты «Наш спорт», «Наше православие»; журнал «Новости хирургии»; телепередачи «Здоровье», «Литературная гостиная»; радиопередачи «Гараскоп», «Деньги и бизнес», «Смачна есці» (от белорусскоязычной этикетной формулы – пожелания приятного аппетита, т.к. кулинарно-историческая передача рассказывает о традиционных блюдах нашей страны) и др.;

3) актуализация способа передачи / канала распространения информации. Реализуется широким кругом лексем с общими семами 'медиа', 'информация': газеты «Полацкі веснік», «Горацкі веснік», «Аршанская газета», «Информ Плюс»; журналы «Вестник фармации», «Домашний журнал»; телеканалы «Инфо ТВ-Ком», «Поставы-ТВ», «Лепель-ТВ»; телепередачи «Госконтроль информирует!», «Спорт-информ»; радиостанции «Вестник Быховщины», «Шарковщинское районное

радиовещание»; радиопередачи «Новости», «Радио-бар. Петро»; интернет-порталы «mogilevnews.by», «vestnikmogileva.by» и др.;

4) указание на некоторые темпоральные признаки медиа (периодичность издания / выхода в эфир медиа; время выхода СМИ). Осуществляется путем выбора номинаторами лексем с временной семантикой: газета «Днепровская неделя»; радиопередачи «Тяжелый понедельник», «Правовой вторник», «Экосреда»; телепередачи «EXtreme-среда» (данный, как и предыдущий, гемероним демонстрирует игру с омонимами: среда как '1 день недели' и как '2 условие, окружение, обстановка'), «Неделя города», «Утренний экспресс» и др.

Стратегия самопрезентации направлена на создание определенного образа СМИ в представлении его аудитории и объективируется следующими тактиками:

1) обращение к авторитету (уважаемой личности, популярному ведущему и т. п.). Языковые маркеры тактики – личные имена существительные с положительной коннотацией, антропонимы: телепередачи «Краски августа. Тысячники Поставского агрохолдинга: на работе и дома», «Прогулки в прошлое с Людмилой Хмельницкой», «На стиле с Еленой Рубекиной», «Налегке с Ольгой Богдановой» и др.;

2) положительная оценка СМИ, его контента: журнал «Золотые рецепты наших читателей»; телепередача «Полезная программа»; радиопередача «Актуально» и др.;

3) апелляция к фоновым знаниям аудитории, особенно к прецедентным феноменам: радиопередача «Тутэйшыя» (проект о местных жителях; гемероним отсылает к названию трагикомедии (1924) Янки Купалы); интернет-портал «masheka.by» (*Машека* – герой белорусского фольклора, персонаж поэмы Янки Купалы «Магіла льва»; по легенде, около могилы Машеки основан г. Могилев) и нек. др.

Стратегия определения целевой аудитории. Успех СМИ во многом зависит от портретизации потребителя, налаживания, поддержания эффективной коммуникации с ним. Рассматриваемая стратегия осуществляется посредством тактик:

1) прямое указание на адресата. Вербализаторами выступают личные и собирательные (обозначающие совокупности лиц) имена существительные, мотивированные ими прилагательные: газета «Студенческий вестник»; телепередачи «Нашему абитуриенту», «Рукодельница», «Маладзёжны мерыдыян» и др.;

2) косвенное указание на адресата, в частности на любителей спорта (телепередачи «Спорт-М», «Спорт-информ» и др.); сельских жителей (газета «Зямля і людзі»; телепередача «Вёска маладая» и др.); дачников (телепередачи «Дача», «Удачи на даче» и др.); кулинаров (телепередачи «Рецепт дня», «Готовь как шеф» и др.);

3) кооперация, при которой адресат гемеронима побуждается отождествлять себя с имядателем СМИ, его группой. Использование местоимений, указывающих на говорящего/собеседника, и глаголов в форме изъявительного (1-го л. мн. ч. и 2-го л. ед./мн. ч. настоящего/будущего времени) или повелительного (2-го л. ед./мн. ч.) наклонения подчеркивает единство номинаторов и аудитории, связывает их чувством общности, сплоченности: газета «Мы і час»; телеканал «Наше ТВ»; телепередачи «Еш, пакуль не запыеш», «Позвольте рассказать», «Встретимся у Звездочета»; радиопередача «Ваше мнение» и др.

Стратегия эмоционального воздействия нацелена вызвать у аудитории определенную реакцию, представлена следующими тактиками:

1) апелляция к ценностям, установкам целевой аудитории: телепередача «Спадчына»; радиопередачи «Сямейны ачаг», «Принцип справедливости», «Родны кут»; радиожурнал «Гэта наша з табою зямля»; газеты «Іскра», «Чырвоны прамень», «Святло Кастрычніка» и др. Последние три примера отсылают к советской эпохе, транслируют

важнейшие для поколений 1920–1940-х гг. понятия; «не только передают дух истории, но и стали знаком стабильности, долголетия на рынке СМИ» [4, с. 99];

2) обращение к воображению адресата. Присуща гемемеронимам, которые, не называя реальных свойств объектов, отражают их косвенно/условно: журнал *«Самобранка»* (самобранка – волшебная скатерть, на которой чудесным образом появляются кушанья; издание посвящено теме кулинарии); телепередачи *«Рубикон»* (Рубикон – метафорическое обозначение точки невозврата, к которой могут привести в том числе *чрезвычайные происшествия*, о чем и рассказывает программа), *«Территория силы духа»* (познавательный проект о Витебском центральном спортивном комплексе) и др.;

3) игровая тактика. Демонстрирует современную тенденцию к настройке на языковую игру, которая проявляется на разных уровнях системы языка, в частности – на графическом, фонетическом, словообразовательном: радиопередачи *«ХороШоу»* (оним образован контаминацией лексем *хорошо* + *шоу* с графическим выделением сегментов), *«Авантюристы»* (контаминация лексем *авантюра* + *турист*); телепередача *«Дадому ў невядомае»* (аллитерация); сетевое издание *«mogilove.by»* (контаминация топонима *Mogilev* и англ. *love* ‘любовь’) и др.

Отметим, что некоторые гемемеронимы – результат одновременного использования нескольких стратегий и тактик: газеты *«Міёрскія навіны»* (стратегия информирования: тактики 1 и 3), *«Браслаўская звязда»* (стратегия информирования: тактика 1 + стратегия эмоционального воздействия: тактика 1); телепередача *«Новости региона»* (стратегия информирования: тактики 3 и 1); сетевое издание *«bobrlife.by»* (стратегия информирования: тактики 1 и 2 + стратегия эмоционального воздействия: тактика 1) и др.

Таким образом, для реализации коммуникативных намерений имядатели СМИ восточных регионов Беларуси используют целый ряд стратегий. Гемемеронимы сообщают важные для адресата сведения, создают положительный образ медиапродукта, обращаются к целевой аудитории, рационально/эмоционально воздействуют на нее. Коммуникативные стратегии реализуются в тактиках, ориентированных на эффективное, гармоничное взаимодействие с аудиторией. Номинаторы СМИ достигают поставленных целей с помощью как уже существующих, типовых для медиадискурса гемемеронимов (принципов, семантических моделей, приемов, способов номинации), так и неологизмов (последние апеллируют к потенциалу разных уровней языковой системы), расширяя границы, творческие возможности современных белорусского и русского языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осипова, Н. Г. Средства массовой информации в современном обществе: теоретико-методологический анализ новейших подходов / Н. Г. Осипова, Е. И. Юрченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2010. – № 1. – С. 64–85.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
3. Еремеева, А. А. Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла / А. А. Еремеева, Г. В. Редько // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2017. – № 4 (207). – С. 108–113.
4. Годуйко, Л. А. Гемемеронимия Беларуси в свете коммуникативных стратегий и тактик / Л. А. Годуйко // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2021. – Вып. 15/2. – С. 86–109.

УДК 82-312.2

М. Д. НАУМЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Швед, д-р филол. наук, профессор

**СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ЗНАЮЩЕГО» В РОМАНЕ
В. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»**

«Огненный ангел» – первый роман Валерия Яковлевича Брюсова, опубликованный в 1907 г. Уже в предисловии от автора В. Брюсов входит в амплу средневекового «рыцаря» и играет роль главного героя произведения, Рупрехта, от лица которого ведется повествование в романе.

Данная статья представляет собой анализ художественных средств романа, формирующих его второстепенную образную систему.

Для достижения поставленных целей мы избрали метод контекстуального анализа, благодаря которому можно рассмотреть конкретный текст в его разноаспектных экстралингвистических связях.

Хронотоп «Огненного ангела» моделируется автором в соответствии с принципами романтической и модернистской литературы. Он многомерен и экзотичен. Модернизм унаследовал данные черты от романтизма. Его представители также стремились к воссозданию необычных локусов: далекие страны или же исторические эпохи.

Действие происходит в средневековой Европе времен усиления инквизиции. Художественный локус совпадает с расположением территорий современной Германии: *«Из Нидерланд решил я отправиться сухим путём и выбрал дорогу через Кёльн, так как мне хотелось увидеть ещё раз этот город, где я знавал немало привлекательных часов»* – сообщает главный герой и по совместительству повествователь в первом предложении романа [2, с. 32].

Для создания произведения Брюсов изучил немало материалов, связанных с периодом средневековья. Андрей Белый, ставший прототипом одного из героев произведения, писал: *«...он [Брюсов] в молодости жутко “шалил”; и, вероятно, – книжно шалил; это – итог его занятий: изучения средневековых суеверий, нужных для романа “Огненный ангел”»* [1, с. 19]. Отношение Андрея Белого к данному тексту было весьма скептическим как раз потому, что в нем была художественно воплощена драма из биографии Брюсова, участником которой стал и сам Белый: *«Я подробно вынужден остановиться на Н***; она – стала музой поэта Валерия Брюсова»*. Белый просит читателей вспомнить любовную лирику, составляющую содержание лучшей, по словам писателя, книги Брюсова «Венка», в которой половина стихотворений посвящена как раз-таки их общей возлюбленной. После чего он вспоминает один из центральных образов-персонажей произведения «Огненный ангел», Ренату. В связи с темой нашего исследования важно подчеркнуть, что Белый прямо называет её ведьмой, и заявляет, что эта героиня была списана с любовницы Брюсова *«в эпоху горестной путаницы между нею, Брюсовым и мною»* [1, с. 308].

Кроме образов-персонажей, Андрей Белый также обращает внимание на хронотоп романа и отмечает, что «муза» Брюсова внесла свою лепту и в построение данного образа: *«...обстановка романа – быт старого Кельна, полный суеверий, быт исторический, скрупулезно изученный Брюсовым, – точно отчет о бредах Н***, точно диссертация, написанная на тему об ее нервном заболевании»* [1, с. 308].

Однако невзирая на то, что Андрей Белый признавал компетентность своего коллеги в вопросах средневековой истории, в своем отзыве он также высмеивает его погруженность в мир навязанных фантазий, которая, по мнению Белого, повлекла за собой смешение несочетаемого в творчестве Брюсова в принципе: *«Опрокидывая старый Кельн в быт Москвы, он порою и сам утеривал грани меж жизнью и вымыслом; так, москвичи начинали в его представлениях жить современниками Неттесгеймского мага, Эразма и доктора Фауста; местность меж Кельном и Базелем – между Арбатом и Знаменкой: черт знает что выходило, приняв во внимание, что Н*** подавала ему материал для романа и свою персону, и фантастикой своих вымыслов обо мне и наших отношениях»* [1, с. 314].

Если в анализе хронотопа опираться на данное мнение Андрея Белого, можно сделать вывод, что историческая подоплека романа условна и образ средневековой Европы представляет собой скорее экзотическую декорацию, с большей либо меньшей долей достоверности передающую колорит эпохи, но не более того.

Между тем в художественном пространстве «Огненного ангела» вера в сверхъестественное далека от банального мракобесия. Демоническое в данном произведении выявляется в определенном смысле как факт действительности. «Знающие» здесь вполне способны наладить контакт с потусторонним миром. Кроме того, в художественном пространстве романа встречаются различные образы магических предметов (например, *волшебная мазь* или *магический круг*).

Ко всему прочему, здесь мы также можем обратить внимание на апелляцию автора к известной реализации магической функции языка в жанре ритуальных текстов. Например, когда Рупрехт и Рената проводят оккультный ритуал, который должен помочь им в поисках графа, они обращаются к молитве: *«При этом облачении произносили мы установленную молитву: “Ancor, Amacor, Amides, Theodonias, Anitor, per merita angelorum tuorum sanctorum, Domine, induam vestimenta salutis, ut hoc, quod desidero, possim perducere ad effectum”*» [2, с. 167].

Также в романе встречаются тексты-пророчества. Это можно увидеть в эпизоде с ворожеей, где, кроме самого предсказания, воссоздается ритуал ему предшествующий: *«А старуха, всё шепча, как пьяная, пошарила кругом руками, нашла яйцо и выпустила белок в воду, которая замутилась. Глядя в облачные формы, развивавшиеся в воде, ворожея стала нам предсказывать, и мне казалось, что её слова – плохой обман»* [2, с. 61]. Брюсов в данном отрывке показывает не только сам процесс осуществления магической практики (каковой она была в традиции восточных славян), но и указывает средства и условия ее реализации. Рассматривая интерьер жилища ворожеи, мы можем обнаружить магическую атрибутику: *«внутри дома стоял полумрак», «окна были завешаны тёмно-красными тканями», «душно пахло сушёными травами»*. На полу у хозяйки сидел кот (в народных представлениях коты зачастую становятся связанными с иномиром, помощниками «знающих»), а над потолком висела клетка с белым дроздом (птицы в мифологической картине мира воплощают в себе души умерших предков и могут служить для связи мира живых и мира мертвых).

Итак, перед нами типичные маркеры чародея: близость к природе (животные (дикая птица), живущие в доме, травы), а также типичная «аутсайдерская» привычка отгораживаться от других людей, что выражается в такой детали, как темные ткани, закрывающие окна (т. е. свет, канал коммуникации со внешним миром).

Внешний вид ворожеи также отражает ее инаковость: *«старуха, с морщинистым лицом», «одета в особую рубаху, как обычно колдуньи, с изображением крестов и рогов», «голова её была покрыта красным платком с монистами»*. Она старая,

что в традиционных представлениях само по себе добавляет ей статусности, одежда на ней ритуальных цветов, на ней изображены сакральные символы; красный цвет, ассоциирующийся с нечистой кровью, – маркер демонизма у славян. Одно из видений старухи привносит в моделирование ее образа еще одну характерную деталь: она начинает раз за разом повторять слово «кровь», как бы актуализируя его в предсказании: *«Кровь-то это откуда? Столько крови, откуда? Вся куртка в крови, и вся кофта в крови. И течёт кровь и пахнет!»* [2, с. 62].

Это событие провоцирует выявление еще одного демонического маркера. Транс, в который впадает старуха, создает своего рода представление об амбивалентности ее эмоций, что вызывает у главных героев панический страх: *«При этом ноздри горбатого носа старухи раздувались, вдыхая запах, и она тряслась всем телом или от радости, или от страха. Но мне от этого шипа и от этих слов стало не по себе, а Рената так зашаталась около меня, что могла сейчас же упасть»* [2, с. 62]. Кстати, согласно фольклорным нарративам, в частности полесским, «знающие» нередко впадают в такое состояние. Такой стереотип «знающего», как рыжеволосость, также воссоздан в данном произведении. *«Наконец рыжий парень, которого звали сыном ворожеи, поманил нас рукой и, взяв с нас установленную плату, по восемнадцать крейцеров, пропустил в двери»* [2, с. 60]. Отметим, что в этом же высказывании один из стереотипов разрушается: согласно народным представлениям о колдовстве «знающий» не имеет права взимать плату за свою ритуально-обрядовую деятельность, что игнорируется героем произведения. Данный момент привносит в текст долю рациональности, что в прочем не разрушает его мистическую модель.

Таким образом, в романе «Огненный ангел» В. Брюсов моделирует особый хроно-топ, сочетающий в себе исторический, мистический и автобиографический аспекты. Мистицизм играет первостепенную роль в построении художественного пространства произведения. Он выражается в представлении персонажей о сверхъестественном, суевериях и колдовстве в целом, особом статусе «знающего» в рамках художественного пространства и иных средствах, как, например, включение в произведение канонически ритуальных текстов, типа заговоров молитв.

Поэтика оккультизма привносит в роман такие особенности, как мистицизм и художественное двоемирие (проявляющееся в наличии мотива демонического, «знающего», а также видений, преследующих героиню романа). Мистицизм произведения усиливается и за счет детально воссозданного стереотипного (для восточных славян) образа «знающего», что отражает не только особенности восприятия колдовских репутаций, но и модель их формирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый, А. Начало века / А. Белый ; под ред. А. В. Лаврова. – М. : Худож. лит., 1989. – 707 с.
2. Брюсов В. Я. Огненный ангел [Электронный ресурс] / В. Я. Брюсов // Альдебаран. – Режим доступа: https://be2.aldebaran.ru/get_file/174811/167151/Bryusov_V_Ognenniyyi_Angel_Sbornik.a6.pdf?md5=814e36da57132ffa3a36803715be1efc&t=1670533273&s=yes. – Дата доступа: 03.12.2022.

УДК 808.26–541.2

Я. Р. РАЗАНОВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ІМЕНАСЛОЎ П'ЕС-КАЗАК ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК І АНАТОЛЯ КРЭЙДЗІЧА

Плённа працуюць у жанры аўтарскай казкі, адрасаванай дзецям, берасцейскія пісьменнікі Зінаіда Дудзюк і Анатоля Крэйдзіч, якія асучасніваюць традыцыйныя міфалагічныя і казачныя матывы. Яркія старонкі шчаслівага дзіцячага свету адкрывае глядач п'есы-казкі Анатоля Крэйдзіча “Марысыска-папараць”, героі якой пераносяцца ў свет мінуўшчыны, калі на зямлі валадарылі духі прыроды. Яны адкрываюць дзецям, што такое “*дабрыня і ліхадзейства, жыццё і смерць, а таксама тое, якое яно – сапраўднае золата*” [1, с. 47]. Традыцыйныя матывы беларускіх чарадзейных казак ажываюць у п'есе Зінаіды Дудзюк “Дудка-самагудка”. Ствараючы вобразы маленькіх герояў, аднаўляючы старажытныя казачныя сюжэты, пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць семантыка-прагматычныя ўласцівасці онімаў.

Жыццё казачных герояў падпарадкавана даўнім трыдыццям. Персанажы добра ведаюць старажытныя святы і прыкметы, звязаныя з імі. Найменне традыцыйнага свята – **геартонім *Купалле*** – ужываецца ў п'есе-казцы А. Крэйдзіча. Менавіта ў гэтую чарадзейную ноч, калі рэкі свецяцца асаблівым прывідным святлом, а дрэвы размаўляюць, героі п'есы знаходзяць незвычайную папараць-кветку, якая дапамагае Марысыцы пераадолець хваробу, а Янку зразумець, што сапраўднае багацце – людзі з залатымі рукамі і залатымі сэрцамі. Выкарыстаныя пісьменнікамі і **міфонімы** – найменні аб'ектаў, створаныя фантазіяй чалавека і ўжытыя ў казках, легендах, паданнях. Маленькія героі бачаць свет жывым, адухоўленым. Вандруючы па лесе і полі, персанажы казкі “Дудка-самагудка” сустракаюць ***Белуна***: “*Барада з моху, гарбаты трохі, лапці лазовыя, ем шышкі яловыя*” [2, с. 3]. Паводле казачнай традыцыі ***Бялун*** з'яўляецца ў выглядзе старога з доўгай белай барадою, у белым адзенні і з кіем у руцэ. Дзядок узнагароджвае хлопца чаладзейнай дудкай, якая дапамагае яму перамагчы пана і вызваліць каханую Алесю. Героям п'есы А. Крэйдзіча спрыяе дзед ***Барада***. Адзначым, што ў народнай культуры ***Барада*** ўвасабляе жыццёвую сілу, рост, урадлівасць. Сустрэць ***Бараду*** ў беларусаў лічылася шчаслівай прыметай [3, с. 31]. ***Барада*** дапамагае Марысыцы і Янку знайсці чарадзейных памочнікаў і разам з імі перамагчы Гаспадара Пальну.

Кантэкст п'ес-казак раскрывае культурна-гістарычную інфармацыю напоўненых сімволікай **заонімаў** (імён жывёл), **арнітонімаў** (найменняў птушак) і **фітонімаў** (назваў раслін). Так, чарадзейная ***Мыш*** дапамагае Кастусю, галоўнаму герою “Дудкі-самагудкі”, знайсці каханую дзяўчыну, якая трапляе ў палон да пана. З ***мышшу*** ў беларусаў звязана цэлая сістэма ўяўленняў і вераванняў. Існуе павер'е, што ў вобразе ***мышы*** прыходзяць душы памерлых. Як апекуна і дарадцу (якімі і ёсць продкі) малююць ***мышы*** чарадзейныя казкі [3, с. 332]. Вобраз гераіні казкі З. Дудзюк (***Мыш*** спрыяе мужным і працавітым героям Кастусю і Алесі ў барацьбе з панам і падпанкам) адпавядае народным традыцыям.

Фальклорныя традыцыі адлюстраваны ў кантэксце п'есы-казкі А. Крэйдзіча. З вуснаў персанажаў гучаць традыцыйныя народныя забаўляўнікі (“*Гэтаму дам, гэтаму не дам, гэты мал, круп не драў, ваду не насіў, цеста не мясіў, кашку не варыў*” [1, с. 52]), песні (“*Праводзіла маці сына у салдаты, маладу нявесту ў поле лён ірваці. Рвала яна рвала, лёну не нарвала. Рвала яна рвала, лёну не нарвала, а ў чыстым полі таполяю*”).

стала” [1, с. 54–55]). Характары і ўчынкi персанажаў выпісаны ў адпаведнасці з традыцыямі беларускага фальклору. Нашы продкі выкарыстоўвалі *сароку* ў якасці ахоўнага прадмета, які засцерагаў ад іншых дэманічных істот. У свядомасці старажытнага чалавека жылі ўяўленні пра сувязь *сарокі* з чарадзеяствам [3, с. 250]. *Сарока*, геранія п’есы А. Крэйдзіча, перамагае гругана і гадзюку і дапамагае хлопцу Яську знішчыць чары Валадара Палыну. *Таполя* ў беларускім фальклору асацыіруецца з жаночым пачаткам, што адлюстравана ў міфе пра паходжанне таполі. У найбольш распаўсюджаным сюжэце адбываецца ператварэнне маладой жанчыны, нявесткі, у таполлю праз нянавісьць свекрыві [3, с. 300]. У казцы А. Крэйдзіча пасля перамогі над злыднямі *Таполя* вярнула сабе дзявочае аблічча. *Палын* – расліна з характэрным пахам і горкая на смак, што і абумовіла яе сімваліку ў народнай традыцыі. Палын – расліна варожая і чужая [3, с. 180]. У творы А. Крэйдзіча чарадзеяй *Валадар Палыну* крадзе ў людзей шчасце, здароўе, маладосць. Сродкам адлюстравання светапогляду беларусаў з’яўляюцца *агіёнімы* – імёны святых, прадстаўленыя ў маналогі гераніі п’есы А. Крэйдзіча бабулі Лізаветы, якая замай хоча вылечыць унучку ад хваробы: “*Першым разам Божым сказам, ішла Прасвятая Багародзіца. Спаткала Мікалая Цудатворцу. Куды йдзе, Мікалаю Цудатворца? Марысеццы замову казаці*” [1, с. 47].

Падбіраючы імёны сваім героям, Зінаіда Дудзюк і Анатоль Крэйдзіч абапіраюцца на традыцыі народнага іменаслову. Так, асабовыя імёны персанажаў прадстаўлены ў формах, уласцівых беларускай нацыянальнай лінгвакультуры: *Кастусь, Алеся, Марыся, Янка* і інш. У маўленні герояў шырока ўжываюцца формы суб’ектыўнай ацэнкі антрапонімаў, што таксама адпавядае традыцыям нацыянальнага іменаслову. Такія формы выражаюць ласку і пяшчоту да дзяцей і падлеткаў, а таксама шчырае і глыбокае каханне: “*Марысечка, сястрычка мая родненькая, я не веру сваім вачам. Ты зноў здаровая – якое шчасце*” [1, с. 54]; “*Рана нам радавацца, Янучок. Мiane ты падняў на ногі, а колькі іншых людзей, колькі дзяцей пакутуюць ад хваробы. Трэба і іх падняць. А гэта, пэўна, яшчэ цяжэй*” [1, с. 54]; “*Янка, Яначка, я зноў магу бегаць і скакаць*” [1, с. 39]; “*Добры дзень, Алесечка, не пакрыўдзілі цябе тут?*” [2, с. 16]. *Гаваркім паэтонімам* можа стаць спалучэнне імені з прыдаткам. Так, адшукаўшы чарадзеіную папараць-кветку і вызваліўшыся ад злых чараў Валадара Палыну, галоўная геранія казкі Анатоля Крэйдзіча атрымлівае празванне *Марыська-папараць*. У адпаведнасці з народнай традыцыяй імёны герояў п’ес выкарыстоўваюцца ў спалучэнні з апелятывамі *дзед, баба, дзядзька, цётка*, напр.: “*Бабуля Лізавета, што шаптала замовы, вярнулася ў вёску*” [1, с. 49]. Знайшла месца у п’есе А. Крэйдзіча дыялектная форма імені: “*Гэта ж дзед Ёсін*” [1, с. 50].

Ужытыя берасцейскімі пісьменнікамі паэтонімы спрыяюць стварэнню яркай, добрай, цікавай гісторыі жыцця казачных персанажаў. Анамастыкон аўтарскіх п’ес-казак літаратурна-фальклорнай разнавіднасці адлюстроўвае менталітэт беларускага народа, яго культурна-гістарычныя і міфалагічныя карані.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Крэйдзіч, А. Марыська-папараць / А. Крэйдзіч // Маладосць. – 2007. – № 11. – С. 47–57.
2. Дудзюк, З Дудка-самагудка : п’еса па матывах беларус. нар. казак / З. Дудзюк. – Мінск, 1989. – 22 с.
3. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.]. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.

УДК 821.161.3-31

Д. В. САЎЧУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. В. Леванцэвіч, канд. філал. навук, дацэнт

**ЛЕКСЕМА “СМАЛА” Ў МОЎНЫМ КАНТЭКСЦЕ ЧАСОПІСАЎ
20-Х ГГ. XX СТ.: ЛІНГВАПРАГМАТЫЧНЫ АСПЕКТ**

Да лексічных кампанентаў аўтарскай моўнай сістэмы, якія вызначаюць індывідуальныя мадэлі і спецыфіку выкарыстання моўных сродкаў, выяўляюць іх ролю ў аўтарскай рэпрэзентацыі і паказваюць нацыянальна-культурную спецыфіку мовы, найперш мы адносім усе тыпы дыялектызмаў (словаўтваральныя, граматычныя, фанетычныя, семантычныя, лексічныя (этнаграфічныя), устойлівыя выразы, а таксама словы з канататыўным значэннем.

Паўнату свайго лексічнага і канататыўнага значэння любая лексема рыскавае найперш у мастацкім кантэксце. Мастацкаму тэксту належыць асабліва роля ў пазнанні культуралагічнага складніка, бо, як адзначае Н. С. Валгіна, мастацкія тэксты будуюцца па законах асацыятыўна-вобразнага мыслення, а немастацкія – па законах лагічнага мыслення, для мастацкіх тэкстаў важны вобразна-эмацыянальны, суб’ектыўны бок з’явы, а для немастацкага – логіка-паняцыйны, аб’ектыўны бок.

Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы падае наступныя значэнні лексем *смала*: ‘ліпкі пахучы сок, які выдзяляецца хваёвымі і некаторымі іншымі раслінамі’, ‘цёмнае вязкае з непрыемным пахам арганічнае рэчыва, якое ўтвараецца пры сухой перагонцы дрэва’, ‘пра назойлівага, надакучлівага чалавека’, ‘назва некаторых арганічных рэчываў, якія атрымліваюцца сінтэтычным шляхам і выкарыстоўваюцца ў вытворчасці лапу, пластмасы і для іншых мэт’ [3].

Для лінгвістычнага аналізу намі выбраны кантэксты ўжывання лексем *смала* з твораў, надрукаваных у часопісах “Узвышша”, “Маладняк”, “Малодосць” 20-х гг. XX ст. Картатэка сабраннага матэрыялу налічвае 65 картак.

У моўных кантэкстах лексема *смала* рэпрэзентуецца як з паняцыйным значэннем, так і з канататыўным. Прычым з дадатковымі семамі слова ўжываецца ў большай колькасці выбраных кантэкстаў. Прыкладзём некаторыя з іх:

1) ‘ліпкі пахучы сок, які выдзяляецца хваёвымі і некаторымі іншымі раслінамі’: “У шчылінах крышылася, нібы сухі воск, сасновая смала, якая не выдавала паху ўжо некалькі дзесяткаў гадоў” (Узвышша. 1928. № 2. С. 18) [4]; “Пускаюць сьлёзы, агнявыя кроплі смалы нахмурана-задуменныя елі” (Малодосць. 1931. № 2. С. 80) [2]; “Кузьня Лейбы стаяла насупроць хаты на пагорку. І кузьня і хата былі беленькія, новыя. Яшчэ пахлі свежай смалою” (Узвышша. 1928. № 2. С. 42) [4]; “І зачыналі работу тады, калі сабралася ўсё сяло, і першае бервяно легла на вачох усіх руднянцаў ёмка, урасло ў зямлю ладна і спраўна, і – напэўна – тады ўсе адчулі, як пахне – густа, мядова – выступіўшая на бервяне смала” (Малодосць. 1931. № 7. С. 58) [2];

2) ‘будаўнічы матэрыял’: “Бярвеньне сасновае точыць смалу // І ў сьцены кладзецца адразу...” (Малодосць. 1929. № 10. С. 27) [2];

3) ‘рэчыва для гаспадарчых патрэб’: “Чакалі мы ў гарадзкім рове на выгане нядоўга: старая жанчына-яўрэйка прынесла (з Баглаевым, здаецца) дзьве бляшанкі газы, смалы ў мяшку і дзьве бляшанкі мешанага з нечым вадкага дзэгцю” (Малодосць. 1930. № 6. С. 26) [2];

4) ‘вельмі моцна надакучаць; прычapaпiцца да каго-небудзь (у складзе ўстойлівых выразаў)’: *“Агата. Што ты, як гагал, наваліўся на нас, як смала прычapaпiўся?”* (Узвышша. 1928. № 5. С. 103) [4]; *“Эстэр. Слухай, Раман, ну гэта-ж можна так надакучыць. Чаго ты, як смала...”* (Узвышша. 1929. № 4. С. 33) [4]; *“Мусіць, яны табе зелья якога тады ў гарэлку падсыпалі, як у выглядзіны ты да іх езьдзіў. Смалой ліпнулі”* (Маладняк. 1926. № 6. С. 13) [1];

5) ‘душэўны стан; пачуццё трывогі’: *“Сумны, з пачуцьцём нейкай смолі на сэрцы, я накіраваўся за глухую сьцяну народому”* (Узвышша. 1929. № 3. С. 48) [4]; *“Забастуем” – што гэта такое? Але Юстын гаворыць: “забастуем”, і пры гэтым голас яго быў насычаны нейкай цяжкай смалой”* (Маладосць. 1931. № 4. С. 57) [2];

6) ‘араматычнае рэчыва’: *“Прайшоў з кадзілам поп, акурыў усіх пахам ладану і смалы”* (Маладосць. 1928. № 9. С. 29) [2];

7) ‘сродак абароны ад ворага’: *“І вось частавалі чужынцаў на шчасьце // Катламі пякучай смалы”* (Маладосць. 1929. № 10. С. 2) [2];

8) ‘пажаданне чаго-небудзь дрэннага’: *“Кожны парне пальцам на цябе, папракне, што ты гультай, лодар, п’яніца, дык затое і бедзен, а таго ня ведае каторы, каб ён смалы напіўся, што і работнік я, і ня п’яніца, але рабіць няма чаго?!. Во!..”* (Маладосць. 1928. № 4. С. 47) [2];

9) ‘цёмнае вязкае з непрыемным пахам арганічнае рэчыва, якое ўтвараецца пры сухой перагонцы дрэва’: *“Ён не пашкадаваў і ладану для кадзіла, на гэты раз яловую смалу – прыгатаваную для такіх выпадкаў з мэтай рэжыму эканоміі асаблівым спосабам – ён пакінуў дома”* (Маладосць. 1928. № 3. С. 26) [2]; *“Сячэ дрэвы, лес сплаўляе, // То са стрэльбай прабягае; // У смалярні смалу гоніць, // То па рэках рыбу ловіць”* (Маладосць. 1928. № 10. С. 85) [2];

10) ‘уласцівасць паветра’: *“Тапары гулка пераклікаліся здалёк, і бор трывожна шумеў, нападўняўся нягучым пахам смалы”* (Маладосць. 1927. № 5. С. 43) [2]; *“І здаецца птушынаму носу, што і сам ён вось-вось паплыве – з ракою, з небам, з белымі пнямі, з гострым цягучым пахам смалы...”* (Маладосць. 1927. № 5. С. 46) [2]; *“Ішлі між пнёў, між калод па шырокай, як скінуць вокам, пасецы. Пні блішчэлі, пераліваліся смолью на сонцы. І гэта-ж самая смоль плыла ў паветры – пахучая, гострая”* (Маладосць. 1927. № 5. С. 43) [2]; *“Плыў і разьліваўся над вадою гостры цягучы пах смолі”* (Маладосць. 1927. № 5. С. 45) [2]; *“Мы сядзелі на бяровеньнях новай пабудовы, будучага масларобчага заводу. У паветры разносіўся пах смалы, кветак і ельніку”* (Маладосць. 1930. № 8. С. 35) [2];

11) ‘стан прыроды’: *“Як смоль, чарнела жнівеньская ноч, каб на зары раптоўна пабялець... Мой друг маўчаў, не гаварыў”* (Маладосць. 1928. № 1. С. 62) [2]; *“Смалой пахне, а ўгары пярэнькамі лёгкімі і зыбучымі сунуцца белыя хмаркі”* (Маладосць. 1929. № 3. С. 28) [2]; *“Якая ціш... А ноч здушона летам, // Сасной і мёдам, пахам і смалой...”* (Маладосць. 1930. № 6. С. 97) [2];

12) ‘колер (у складзе параўнанняў)’: *“Тады нацягнула сабе белую хустку, з беражком у кветкі, ад патыліцы на сваё належнае месца, падаткнула пад яе свае чорныя, як смоль, валасы; абцёрла далоньню сьліну з левай шчакі, падцягнула хвартух наперад і толькі тады адказала Хвядосу на яго “дзіндобры” й папытала: – “Акуль-жа вы самы?”* (Узвышша. 1928. № 2. С. 14) [4]; *“Смольская. Не, нічога... Здалёку нявідаць... Цёмныя, як смоль! Ведаеш, ты вельмі зьмяніўся... Зусім стаў інакшым... Ня той, якога я любіла...”* (Узвышша. 1929. № 1. С. 55) [4];

13) ‘пах’: *“Ён умеў уцерці носа чыгунцы, – едучы зайцам значныя адлежнасьці ў пустым і ў нагружаным таварным вагоне, праз цэлыя дні сплючы ў якім-небудзь*

складзе, у начы дрэмлючы ў куце парожняга вагона для скаціны, альбо ўлаштоўваючыся ў пахнучым смалою кастры дроў” (Узвышша. 1927. № 2. С. 82) [4]; “Цяпер бель сьвежых бяровеньняў прыкра біла ў вочы. Пах смалы непрыемна шчыкатаў ноздры” (Узвышша. 1927. № 4. С. 13) [4]; “Шах-шах-шах... з ліпкім цягучым пахам смалы разносіцца ў паветры. Пілююць сасну” (Маладосць. 1927. № 5. С. 42) [2]; “Па алеі бегалі дзеці, як макаўкі, сыпаліся пяском. Пахла сьвежаю смольлю маладых хваінак, шастаў вецер, згубіўшы свае валасы ў калматых галовах ліп” (Маладосць. 1931. № 3. С. 12) [2];

14) ‘пекла (міфалагічны сэнс)’: “Вельмі баялася пані чарцей, якія грэшных у смале смажуць” (Узвышша. 1927. № 4. С. 57) [4]; “– На тым сьвеце мой бацька на тваім смалу возіць! – злосна сказаў Слуп і, як ні ў чым ня бывала, ускочыў на ногі...” (Узвышша. 1928. № 2. С. 40) [4];

15) ‘стан рэчыва’: “На гэтым балотным прасторы пападаюцца вузкія, чорныя, як ноч, як растопленая смала, палосы вады, страшныя сваёю маўклівасьцю і глыбінёю” (Узвышша. 1927. № 2. С. 59) [4];

16) ‘рэчыва, што выкарыстоўваецца для захоўвання якасці драўніны, якую яно пакрывае’: “Доўгі абоз фурманак цягнуўся да рэчкі. Вазакі былі абмазаны смалою” (Узвышша. 1927. № 4. С. 35) [4];

17) ‘спосаб дзеяння’: “Ад завода начыналася дарога. Смалой чыгунны мост перапаўзала – і чорнай мярэжкаю загінала ў сяло” (Маладосць. 1930. № 6. С. 107) [2]; “Маса рабочых, як чорная смала, павольна перацякае з аднаго месца ў другое. Над ёю ляціць гул і яна не разыходзіцца” (Маладосць. 1931. № 4. С. 63) [2];

18) ‘родны кут’: “Лес паказаўся. Цёмным грабянём прапоўз. Там хатка смалой успыхнула, на разьвітаньне млын крылом махнуў. Нібы слупы лічылі вёрсты...” (Маладосць. 1930. № 6. С. 128) [2].

“Гаваркімі” ўспрымаюцца эпітэты, ужытыя аўтарамі да лексемы *смала* ў значэнні ‘уласцівасць паветра’: *напаўняўся нягучым пахам смалы; смоль плыла ў паветры – пахучая, гострая; гостры цягучы пах смолі; з ліпкім цягучым пахам смалы; пускаюць сьлёзы, агнявыя кроплі смалы; як пахне – густа, мядова – выступіўшая на бярвяне смала.*

Своеасаблівым вобразна-выяўленчым сродкам становяцца словы, у якіх не супадае семантычны змест паняцця ў літаратурнай і аўтарскай мовах. Большасць з такіх слоў ужываецца са значэннем, якое не фіксуе “Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы”. З вылучаных намі сямнаццаці складнікаў лексічнага значэння толькі тры падаюцца ў нарматыўным слоўніку.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Маладняк [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://kamunikat.org/maladniak.html>. – Дата доступу: 19.03.2023.

2. Маладосць [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://knihi.com/none/Maladniak_pdf.zip.html#1923_01a.pdf_7. – Дата доступу: 19.03.2023.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (агул. рэд.) [і інш]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

4. Узвышша [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://knihi.com/none/Uzvyssa_pdf.zip.html#1927-001.pdf. – Дата доступу: 19.03.2023.

УДК 808.26–541.2

С. В. САЎЧУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ІМЕНАСЛОЎ КАМЕДЫ-ЛУБКА ГЕОРГІЯ МАРЧУКА “ВЯСЁЛЫЯ, БЕДНЫЯ, БАГАТЫЯ”

Георгій Марчук – пісьменнік, які плённа працуе ў рэчышчы драматургіі. І. Штэйнер, даследчык творчасці Г. Марчука, адзначае: “Пісьменнік стварае мастацкую палітру сусвету, убачанага вачыма палешука. І гэтая палітра паўстае шматграннай і шматстайнай, як і жыццё Давыд-Гарадка, Століна, Беларусі, свету” [1, с. 5]. Перадаючы шматгалоссе сучаснага жыцця і па-мастацку ўзнаўляючы старонкі слаўнай паляшукі гісторыі, Г. Марчук умела выкарыстоўвае вобразна-выяўленчыя магчымасці такога паказальнага ў плане нацыянальнай і культурнай адметнасці складніка мовы, як уласныя імёны. Мэта прадстаўленай працы – комплекснае лінгвапрагматычнае апісанне ўжытых у камеды-лубку “Вясёлыя, бедныя, багатыя” паэтонімаў.

Варта адзначыць, што пісьменнік скурпулёзна працуе, ствараючы назвы сваіх твораў, якія ў большасці сваёй адносяцца да **ідэйна-характарыстычнага** тыпу. Даследчыкі творчасці драматурга С. Грымута і М. Мікуліч адзначаюць: “Бедныя. Вясёлыя. Багатыя. А ці не мы гэты з вамі? Так, гэты ўсе сучаснікі аўтара – людзі, што жывуць (ці існуюць) у свеце Хаосу, які зрабіўся нейкім шалёным колам, вірам адчужэння ад усяго спрадвечна-вызначальнага. Г. Марчук выводзіць тут дзве традыцыйныя супрацьлеглыя катэгорыі – духоўнага ўзвышэння і матэрыяльнага багацця. Але ніхто з герояў, пастаўленых на гэтых палярных полюсах жыцця, не здольны на актыўную барацьбу. Вясёлыя ж – тыя, хто здольны ў нашым па-вар’яцку арганізаваным свеце пасмяяцца, пакпіць з сябе, каб... не заплакаць. Напэўна, менавіта гэтыя вясёлыя героі і ёсць носьбіты святла, дабыні, чысціні энергетычнай моцы жыцця” [2, с. 315].

Ядро анамастыкону п’есы-лубка – антрапонімы. Імёны персанажаў – хрысціянскія онімы іншамоўнага паходжання, запазычаныя з **грэчаскай**: *Антось* (грэч. ‘набыццё ўзамен’), *Тарас* (грэч. ‘турботны, той, хто хвалюецца, клапоціца’); **лацінскай**: *Лука* (лац. ‘светлы, ясны’), **старажытнаяўрэйскай** моў: *Іван* (ст.-яўр. ‘Боская ласка’), *Марыя* (ст.-яўр. ‘пані, каханая, жаданая’); *Тэклія* (ст.-яўр. ‘дасканалая’). Са старанямецкай мовы прыйшло імя *Альдона* (‘старая’), з персідскай – *Адарка* (‘дужая, тая, якая перамагае’).

Антрапанімікон твораў Г. Марчука з’яўляецца адлюстраваннем багацця беларускага іменаслову, які характарызуецца маляўнічай палітрай. У творах пісьменніка знаходзім багаты россып марфалагічных, лексічных і фанетычных варыянтаў імён, напр.: *Іван – Ваня – Ванечка – Іванко – Ваню, Марыя – Марыйка – Марыета, Альдона – Альдончка – Аля* і інш. Гэтыя формы – сродак перадачы нацыянальнага і мясцовага каларыту, спосаб адлюстравання статусу асобы ў сацыюме і выражэння характару і танальнасці адносінаў да носьбіта імені: сімпатыі да сябра, любові да роднага чалавека і інш.: “*Дваццаць пяць год, як нарадзіліся ў нас дочки – Альдона і Марыйка, мы не сварыліся*” [3, с. 95]; “*З прыездам, Альдончка*” [3, с. 100]; “*Добра, Ванечка. Я хуценька*” [3, с. 116]; “*Мне Аля пра вас вельмі многа добрых слоў казала*” [3, с. 100].

Носьбітамі канатацыі дыялектнасці з’яўляюцца антрапанімічныя формы, якія перадаюць асаблівасці Брэсцка-Пінскіх гаворак: наяўнасць прыстаўнога [г] (*Гэля*), замена гука [ф] гукам [т] (*Тэгля*), оканне (*Адарко*). Антрапанімічныя дыялектызмы вылучаюцца на граматычным узроўні: у кантэксце п’есы-лубка прадстаўлены формы клічнага склону імёнаў: “*Не заводзься, Адарко, на запчасткі*” [3, с. 97]; “*Спасібі, спасібі, Антосе*” [3, с. 196]; “*Хопіць есці, бы з галоднага краю, Тарасе*” [3, с. 97]; “*Да нас, Іванко, шчэ ідуць, а ад нас выпаўзаюць*” [3, с. 104].

Канатацыяй нацыянальна-культурнай спецыфікі характарызуюцца ўжывальныя ў народным асяроддзі формы звароту да паважаных людзей ‘дзядзька, цётка + імя’: “*Нашы суседзі. Дзядзька Тарас, цётка Адарка, іх дачка Марыйка. З Украіны*” [3, с. 100]; “*Дзядзька Тарас, а ці не час да вас ісці*” [3, с. 103].

Большасць сучасных асабовых імён – словы, запазычаныя з грэчаскай, лацінскай, старажытнаўрэйскай і іншых моў. Гэтыя онімы прыйшлі на Беларусь з прыняццем хрысціянства. “Зацемненая” ўнутраная форма імён можа ўтрымліваць немалаважную інфармацыю пра літаратурнага героя. Такія антрапонімы адносяцца да ліку **схаванагаваркіх**. Напрыклад, выразную біблейскую афарбоўку мае імя аднаго з галоўных персанажаў п’есы дзед *Лука*. Антрапонім паходзіць ад лацінскага слова са значэннем ‘*светлы, ясны*’. Мудры *Лука* мае мудрасць і сілу супрацьстаяць у мітуслівым жыцці прыслужніку д’ябла Роберту Тушканчыкаву. Іменна *Лука* адстойвае спрадвечную ісціну: “*Чалавек стаіць паміж Богам і сатаной. Не ўзвышайся да Бога, бойся сатаны. Май мужнасць жыць сваім розумам*” [3, с. 116]. Узгадаем, што *Лука* – імя апостала-евангеліста, які праславіўся як урач. І марчукоўскі *Лука* лечыць унучку зёлкамі ад д’ябальскага ачмурэння.

Сродак характарыстыкі і ацэнкі персанажаў п’есы Г. Марчука – мянушкі. Яны могуць ўтрымліваць інфармацыю пра род заняткаў, прафесію персанажаў. Так, герой п’есы “Вясёлыя, бедныя, багатыя” дзед Лука атрымаў мянушку *дзед Гурок* за тое, што займаўся вырошчваннем гуркоў “*І без таго, дзе ні сунешся, усе рагочуць: унь дзед Гурок ідзе*” [3, с. 116]. Нацыянальны каларыт ствараюць ужывальныя ў народным асяроддзі мянушкі-**андронімы** – празванні жонкі, утвораныя ад прозвішча ці мянушкі мужа: “*Унь, унь... дачка Гэлі Аскерыхі*” [3, с. 151].

Да ліку ацэнчна-характарыстычных сродкаў у кантэксце драматургіі Г. Марчука належаць прозвішчы герояў. Як вядома, антрапанімічная прастора мастацкага твора з’яўляецца адбіткам анамастыкону пэўнай мовы. Прозвішчы-паэтонімы матываваныя былымі імёнамі-мянушкамі, якія называюць асобу па розных прыкметах: па сваяцкіх адносінах (*Паўтарабацька*). Адзначым таксама прозвішчы, утвораныя ад мянушак – назваў жывёл (*Тушканчыкаў*) і раслін (*Грэчка*). У ліку прозвішчаў герояў п’ес вылучаюцца **гаваркія паэтонімы**. Для наймення героя п’есы “Вясёлыя, бедныя, багатыя” аўтар выбірае прозвішча *Тушканчыкаў*. Назвы жывёл здаўна выкарыстоўваюцца ў мове для характарыстыкі і ацэнкі пэўных людскіх якасцяў. У прыватнасці, назвы малых жывёл ужываюцца для ацэнкі хітрых людзей: такім жывёлам трэба “круціцца”, каб выжыць. Найменне экзатычнага звярка, пакладзенае ў аснову прозвішча, падкрэслівае чужароднасць персанажа ў адносінах да простых, сумленных палешукоў. І. Штэйнер праводзіць аналогію паміж Робертам *Тушканчыкавым* і купалаўскім шляхетным жаніхом Адольфам *Быкоўскім* [1, с. 79]. Г. Марчук, як і Я. Купала, стварае камічнае спалучэнне экзатычнага імені Роберт і прозвішча “жывёльнага” паходжання. Праўда, сучасны “дэфіцытны” жаніх больш вынаходлівы, чым яго папярэднік. Калі марай Быкоўскага была добрая жонка на моцнай гаспадарцы, то сучаснаму лавеласу патрэбны “Жыгулі”, кааператыў і тыгр

у кватэры. Апелятыўная семантыка прозвішча “ажывае” за кошт каламбурнага ўжывання оніма ў рэпліках персанажаў, напр.: “*О, здаецца, Тушканчыкаў да нас скача*” [3, с. 110]; “*Сувязей у Тушканчыкава ў горадзе, мамо, як блох у ката*” [3, с. 106]. Характарыстычнае прозвішча выражае адмоўную ацэнку героя.

Значнае месца ў анамастыконе гістарычнай драматургіі займаюць так званыя “**перыферыяныя онімы**”: назвы геаграфічных аб’ектаў, устаноў, кніг, твораў мастацтва і інш. Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін у творы Георгія Марчука з’яўляюцца **тапонімы**. Яны перадаюць факты жыцця палешукоў – гандляроў-вандроўнікаў. Частка з тапонімаў захавалася ў сучаснай мове, напр.: *Палессе, Вільнюс, Уладзівастан, Сібір, Францыя, Японія*. Стварэнню гістарычнага каларыту спрыяюць таксама ўжытыя ў кантэксте драматычнай аповесці **ўстарэлыя тапонімы – гістарыёнімы**, якія з’яўляюцца найменнямі дзяржаў, што зніклі з палітычнай карты, напр.: *СССР* ‘дзяржава, якая існавала з 1922 па 1991 гады на тэрыторыі Усходняй Еўропы, часткі Цэнтральнай і Усходняй Азіі’: “*Памятаю. Вельмі прыемна. СССР – краіна дружбы народаў*” [3, с. 100].

Светапогляд палешукоў савецкай эпохі перадаюць **ідэонімы** – назвы песень, якія гучаць у іх хатах: (“*Дубочак зялёненькі...*”, “*Распрагайтэ, хлопцы, коней*”), **прагматонімы** (аўтамабілі “*Волга*”, “*Жыгулі*”), **эргонімы** (калгас “*Прыпяць*”, “*Камсамольскі пражэктар*”, *ВДНГ*), **геартонімы** (*Дзень АСВОДА, 1 Мая*), **антрапонімы** – назвы папулярных у савецкі час спевакоў, акцёраў, музыкантаў (*Чэлентана, Марандзі, Пугачова*). Нягледзячы на панаванне савецкай ідэалогіі, у душы людзей жыла вера ў Бога, таму ў маўленні палешукоў ужыта назва Святога Пісьма – **Біблія, іконім (абраз Мікалая Угодніка)**. А ў малітвах шчырага верніка дзеда Лукі, які імкнецца абудзіць у душах родных людзей любоў да бліжняга, ужываюцца найменні Бога – **тэонімы**: “*Госпадзі, Уладыка наш адзіны. Хто ў душы нашай святло і сумленне. Ты, хто нарадзіў сённяшні дзень, узняў сонейка, ураўнаваж дзянёк, зрабі, каб Добра было больш, чым зла*” [3, с. 116].

Антрапонімы з’яўляюцца неад’емнай часткай вобразнага ладу драматургічных твораў Г. Марчука. Паэтонімы дазваляюць коратка і дакладна перадаць рысу мастацкага вобраза ці нават намалёваць цэласны вобраз. Большасць разгледжаных намі онімаў маюць празрыстую ўнутраную форму, выразную матывацыю. Зразумець сэнс паэтонімаў дапамагае кантэкст, які канкрэтызуе змест гаваркіх імёнаў. Культурна-гістарычную функцыю выконваюць у драме “**фонавыя**” **онімы** (тапонімы, тэонімы, эргонімы, прагматонімы, геартонімы і інш.), якія з’яўляюцца сродкамі перадачы хранатопу твора.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Штэйнер, І. Ф. Сусвет, убачаны здалёк: Творчасць Георгія Марчука : манаграфія / І. Ф. Штэйнер. – Гомель : УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2003. – 95 с.
2. Грымута, С. В. Асаблівасці асэнсавання жыцця і чалавека ў зборніку п’ес Георгія Марчука “Вясёлыя, бедныя, багатыя” / С. В. Грымута, М. У. Мікуліч // Мова і літаратура ў сярэдняй і вышэйшай школе: актуальныя праблемы выкладання : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. / Гродз. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – С. 314–318.
3. Марчук, Г. Вясёлыя, бедныя, багатыя : п’есы / Г. Марчук. – Мінск : БелПСК, 1998. – 367 с.

УДК 811.161.1'27:811.161.3'27

А. Д. СЕМАШКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

ЭЛЕМЕНТЫ КОЛЛОКВИАЛИЗАЦИИ В ПОВЕСТИ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК «ПОКА Я НА КРАЮ»

Термин *коллоквиализация*, вынесенный в заглавие доклада, образован от латинского слова *colloquia* со значением ‘беседы, разговоры’, этого же корня известное нам слово *colloquium* – ‘собеседование’. Цель данного доклада – проследить тенденцию к усилению разговорного начала в языке современной школьной повести на лексическом уровне. Языковым материалом послужила повесть белорусских русскоязычных авторов А. Жвалевского и Е. Пастернак «Пока я на краю» (2017). Также исследуются художественные задачи, для решения которых выбирается этот семантико-стилистический пласт лексики. Для достижения поставленных целей мы избрали метод контекстуального анализа, благодаря которому можно рассмотреть конкретный текст во всех его экстралингвистических связях.

В своем творчестве молодые авторы не избегают злободневных тем – повесть «Пока я на краю» посвящена подростковым суицидам.

Главная героиня повести – Алла Данилова – еще в ее начале рисуется довольно унылой, но не подавленной. У нее редкое для современной молодежи хобби: она пишет стихи, рисует, выкладывает все это в Интернет. В сети она имеет друзей и поклонников, которые ее понимают лучше, чем окружающие. Она из тинейджеров, «железное правило» которых – никогда ничего не рассказывать родителям – привело ее к одиночеству и мыслям о тщете существования. Взрослеющая девушка ничего не могла рассказать родителям, потому что знала изначально: ее не поймут. А раз уж не поймут родители, то и не поймет никто. Это натолкнуло ее на мысль создать другую себя. Капля Мрака – под таким псевдонимом Алла представлена на первой странице, это ее второе «я». С его помощью она могла выражать себя и не бояться осуждений. Ее речь – стандартный набор молодежного сленга: *крутые перцы, шайка-лейка, чмоки-чмоки, хомячить, динамит*.

Что касается родителей, то они составили ей программу на всю жизнь: закончить школу, поступить на юрфак, выйти замуж, родить детей... Алла поняла, что эта программа ее не вдохновляет.

– Но для того, чтобы все это было, нужно поработать, – сказала мама. – Просто потерпи этот год и следующий... – Зачем? – спросила Алла. – В смысле? – Терпеть. Потом учиться там, где не хочу, потом жить с каким-нибудь хмырем... – Алла! – взвилась мама. – Тебе обязательно нужно все испортить?! – Мне? – изумилась Алла. – Это не я начала... – Да с тобой вообще невозможно разговаривать! – Мама хлопнула дверью и вышла из кухни. – Я скажу отцу! – донеслось до Алки из коридора [1, с. 43].

Авторы используют диалоги между взрослыми и детьми, чтобы подчеркнуть различие в их ценностных установках. Вот некоторые реплики Алки: «Не лезь в мою душу!», «Зашибись со мной всё!», «Повезло, что родаки не запалили», «Вот так умрешь, и никто не заметит». Дочка обороняется как может, а маме кажется, что она постоянно хамит. Папа занят на работе, он не вмешивается. Никто не видит, что подросток на грани самоубийства.

Также реплики выражают социальные, культурные, идеологические, статусные отличия коммуникантов. Взрослые транслируют понятные им ценностные установки, а дети оценивают это как промывку мозгов, очередной наезд завуча, лапшу на уши и подобное. Родители контролируют только внешнюю часть бытия: уборка, уроки, режим дня. Заикленная на безусловных успехах мать усиливает репрессии.

Терпеть и ждать лучших времен – худшее, что может быть. Алла с головой погрузилась в виртуальную реальность. Там ее и нашла группа подростков, руководимая психологом Яковом Ильичом. Яков Ильич вытаскивал детей из депрессии, потом те, кого он спас, вытаскивали других. Он использовал рискованный метод – лечение через обострение, вызывал сильные негативные эмоции. Герои из компании Якова на первый взгляд кажутся отрицательными – они ведь подталкивают к суициду, но с каждой страницей мнение постепенно меняется, а когда они признаются, что наоборот отговаривают от самоубийства, представление о них переворачивается. Хантеры готовят Алку к инсценировке самоубийства. Но она об этом не подозревает:

– *Но я так больше не могу! Я лучше... как Фрост...* Алка поняла, что произнести это вслух у нее не получается. – *Может, и лучше,* – кивнула Панта. – *В твоём случае.* – Алка удивилась: – *В смысле... ты не собираешься меня отговаривать? – Я? Тебя?* – в свою очередь удивилась Панта. – *Зачем? Это твоя жизнь, твой выбор. Если ты захотела... как я могу тебя отговорить? А если могу – значит, ты ещё ничего не решила* [1, с. 71].

Алка не сразу поняла, что ее «ведут». Она заявила о своем желании умереть, однако вместе с тем это был маневр, целью которого было привлечь к себе внимание, чтобы ее лишней раз пожалели и начали отговаривать. Но Панта не поддалась, тем самым показала, что вся ответственность за жизнь Аллы лежит только на Алле. Авторы убедительно показывают, что она еще не взрослая, а довольно инфантильная личность. Ее речь отражает неумение контролировать эмоции, раздражение, усталость: «*Забить на всё*», «*А вдруг накроет отходняк?*», «*А ну их в пень*».

Название «Пока я на краю» метафорично. Хоть героиня на самом деле в один момент стояла на краю крыши и готовилась спрыгнуть, смысл названия не только в этом. Сюжет условно делится на две части – до решения Аллы остаться жить и после. В начале повести описывается состояние главной героини. Во второй части авторы формулируют очень незамысловатый посыл Алке: «*Жить стоит*».

На первый взгляд, главная тема повести – подростковые суициды, однако не менее важна второстепенная – исследование психологии разных типов людей. Произведение учит не оценивать людей поверхностно, учит копать глубже; не идеализировать людей, иметь критическое мышление, искать причины того или иного поведения окружающих.

Любопытно следующее: если с каждым поколением, как принято считать, дети все хуже, а родители все лучше, то отсюда следует, что из более плохих детей вырастают все более хорошие родители. А. Жвалевский и Е. Пастернак показывают, что подростки не очень-то изменились. Просто в разных поколениях у переходного возраста разные проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жвалевский, А. В. Пока я на краю / А. В. Жвалевский, Е. Б. Пастернак. – М. : Время, 2017. – 256 с.

УДК 811.161.1'27:811.161.3'27

ХАЙ ЖИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «ИСКОННО РУССКИЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА» В 5 КЛАССЕ (МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ)

Лексика изучается в школе давно. За время изучения лексики сложилась новая область методики преподавания русского языка – методика лексики, сформулировавшая свои цели и определившая содержание обучения, а также методы изучения лексикологических понятий и методы формирования у учащихся учебно-языковых лексикологических умений. В создание новой области методики преподавания русского языка внесли вклад многие методисты и учителя, чьи статьи и разработки уроков по лексике были опубликованы на страницах журнала «Русский язык в школе», в различных сборниках. Вопросы методики лексики и фразеологии в школе обсуждались и обсуждаются на многих семинарах и конференциях [1, с. 17].

Традиционно лексикология как раздел науки о языке изучается в среднем звене школьного образования, однако на современном этапе ей уделяется недостаточное внимание в курсе русского языка. Изучение заимствованных слов тесно связано с вопросами культуры речи, а изучение лексики в школе – это одно из средств повышения культуры речи учащихся. Определение исконно русской и усвоение заимствованной лексики – постепенный, длительный процесс, поэтому сегодня проблема преподавания лексики и процесс работы над исконно русской и заимствованной лексикой на уроках русского языка приобретает особую актуальность.

Н. М. Шанский определяет *исконно русское слово* как «всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное им из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит. Исконно русскими словами, следовательно, будут не только слова собственно славянского происхождения или на их основе возникшие в разные периоды развития русского языка, но и слова, появившиеся в русской речи на базе заимствованных основ и корней или целых слов» [2, с. 81]. Среди исконно русской лексики, бытующей сейчас в русском языке, следует различать несколько пластов: 1) *общеславянские слова*: око, брат, зима, железо, дождь, трава, конь, рыба, вилы, зерно, друг, смерть, идти, читать, добрый, глухой, черный, левый, два, ты, где, без [2, с. 85]; 2) *восточнославянские слова*: балагур, вор, льгота, снегопад, ледяной, шарик, после [2, с. 89]; 3) *собственно русские слова*: денежный, инурок, прошляпнуть, журнальный, помадка, кокетничать, стартовать, вельветовый, трамвайчик, кассирша, капризуля, пробасить [2, с. 91].

Л. П. Крысиным *заимствование* определяется как «1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода» [3, с. 132]. Выделяют два типа заимствований. I. *Заимствования из славянских языков*: 1) старославянского: священник, крест, жертва, власть; 2) польского (полонизмы): вензель, шляхта, скарб, байка, рекрут, повидло; 3) украинского (украинизмы): борщ, гопак, вареник, детвора; 4) чешского (богемизмы): робот [4, с. 171–172]. II. *Заимствования из неславянских языков*: 1) греческого (грецизмы): кафедра, дьявол, алфавит и др.; 2) латинского (латинизмы): университет, экзамен, каникулы;

3) тюркских (тюркизмы) и иранских (иранизмы) языков: *атаман, башимак, хиджаб, чадра, малахай, сундук, басурман, кабала, малахай, сарафан, бешимет, караул*; 4) скандинавских (шведского и норвежского языков): *сельдь, якорь, кнут, крюк, пуд, ихеры, сайда, Игорь, Олег*; 5) западноевропейских германских (немецкого, английского, голландского) и романских (французского, итальянского, испанского и румынского) языков: немецкие (германизмы): *лагерь, штаб, ефрейтор, галстук, гамаши, фуганок, кварц, юнкер, лафет* и др.; голландские заимствования: *гавань, лоцман, флот, штурман, вымпел, галс, рея, шкипер, шлюпка* и др.; англицизмы: *бойкот, клуб, дайджест, спорт, маркетинг*; французские (галлицизмы): *бра, кофе, торшер, блузка, коньяк*; итальянские (макаронизмы): *ария, карнавал, макароны, пицца, пианино, либретто*; испанские (иберизмы): *серенада, сигара, кастаньеты, мантилья, пастила*; румынское: *брынза*; 6) финно-угорских языков: финские: *морж, пельмени, пурга, пихта*; венгерские: *бекеша, гусар, хутор*; 7) несколько слов из японского языка (японизмы): *бонза, гейша, рикша, сакура, самурай, тайфун, цунами, харакири, сегун, татами* и из китайского языка (китаизмы): *чай, чесуча* [4, с. 166–167].

В действующей учебной программе по русскому языку тема «Исконно русские и заимствованные слова» изучается в разделе «Лексика» и занимает шестое место в системе уроков данного раздела, на изучение темы отведен один час [5]. При изучении темы учащиеся должны овладеть речевой нормой, предполагающей точное употребление заимствованного слова, целесообразный, мотивированный выбор лексических средств, обеспечивающих правильность, точность, логичность, богатство, чистоту, уместность и выразительность речи. На уроке предусматриваются виды деятельности: устное сообщение; анализ текста; развернутый ответ на вопрос; письмо по памяти; работа со словарями: толковым, иностранных слов [5]. Основные требования к результатам учебной деятельности учащихся: уметь определять значение слова в тексте; уметь пользоваться словарями (толковым, иностранных слов); уметь точно употреблять слова в соответствии с их значением, темой и стилем текста; составлять тематические группы слов [5].

Интерес учащихся к истории слов высок и изучение заимствованных слов позволяет детям в какой-то мере удовлетворить его [6, с. 44]. Знакомство с членением лексики по происхождению имеет не только познавательное значение (учащиеся узнают о том, что существует два пласта лексики русского языка: исконно-русские и заимствованные слова), но и мировоззренческое значение (учащиеся узнают о развитии языка) [7, с. 27].

Цели изучения заимствованных слов можно определить следующим образом: 1) познавательные – ознакомление учащихся с понятиями «исконно русские» и «заимствованные слова», с причинами заимствований, с ролью заимствованных слов в русском языке, со словарем иностранных слов; 2) практическая – развитие умения пользоваться словарем иностранных слов; 3) воспитательная – воспитание уважения, любви к русскому языку [7, с. 28].

Учитель должен объяснить ученикам, что народы, общаясь друг с другом, заимствуют друг у друга предметы быта, орудия труда, машины, оружие, предметы искусства, идеи. Вместе с ними заимствуются и слова, называющие эти предметы, идеи. Так, вместе с русскими словами начинают употребляться иноязычные слова. Постепенно люди привыкают к ним, и через несколько поколений все забывают о том, что некогда эти слова были заимствованы из других языков. Заимствованные слова в русском языке произносятся, изменяются и сочетаются по правилам русского языка.

Во всех языках есть заимствованные слова. Из русского языка тоже заимствовались слова. Русские слова имеются как в языках народов, с которыми русские жили

по соседству, так и в языках народов несоседних стран, например, в венгерском языке, немецком, английском и т. д.

В связи с тем, что у школьников по данной теме практически нет знаний, для ознакомления их с новыми сведениями о словарном составе целесообразно использовать сообщение учителя, а также просмотр видео.

Для выявления осознанности понимания нового материала перед учащимися можно поставить вопрос: *Почему заимствуются слова из других языков?* Учитель может предложить сформулировать определения понятий *исконно русское слово* и *заимствованное слово* и сверить его с определением учебника. Для выяснения того, как ученики поняли новый материал, целесообразно поставить такие вопросы: 1. *Из каких двух групп слов по происхождению состоит лексика русского языка?* 2. *В связи с чем заимствуются слова из других языков?* Необходимо сообщить о том, что иноязычное происхождение слов отражается в словарях иностранных слов, в специальных этимологических словарях, раскрывающих происхождение слова. Желательно этимологический словарь и словарь иностранных слов показать учащимся, рекомендовать им обращаться к ним за справками. Учащиеся по словарю иностранных слов и этимологическому словарю должны уметь проверять, из какого языка-источника пришло то или иное заимствованное слово. В качестве домашнего задания можно предложить выучить определение заимствованных слов и выполнить упражнение, в котором требуется заменить неоправданные заимствования исконно русскими словами.

Таким образом, изучение исконно русских и заимствованных слов занимает определенное место в школьном курсе русского языка, на изучение темы отводится один час (урок), на котором учащиеся должны ознакомиться с исконно русскими и заимствованными словами; работа с исконно русской и заимствованной лексикой является залогом успешного развития словарного запаса и формирования правильной русской речи. Необходимо прививать учащимся интерес к изучению лексики, а через интерес к ней переносить этот интерес и на все остальные разделы курса русского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, М. Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка / М. Т. Баранов. – М. : Просвещение, 1988. – 191 с.
2. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 312 с.
3. Крысин, Л. П. Заимствование / Л. П. Крысин // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – С. 132–133.
4. Фомина, М. И. Лексика современного русского языка / М. И. Фомина. – М. : Высш. шк., 1973. – 152 с.
5. Учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. Русский язык. V–XI классы [Электронный ресурс] // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3803-russkij-yazyk.html>. – Дата доступа: 30.03.2023.
6. Обучение русскому языку в 5 классе / М. Т. Баранов [и др.] ; сост. М. Т. Баранов. – М. : Просвещение, 1990. – 208 с.
7. Русский язык в 5 классе : метод. указания к учеб. пособию. – М. : Просвещение, 1971. – 221 с.

УДК 070

А. Р. ШЕЛЕГ, М. М. КОЗЛОВ

Минск, БГУ

Научный руководитель – Е. М. Еловая, ст. преподаватель

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ НА РАДИО
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Стиль рекламного текста на радио – один из главных факторов его эффективности. Но статус рекламного текста недостаточно изучен в современном белорусском языке. Также в научной литературе не рассматривается системное описание стилистических характеристик рекламного текста на радио. Возникает необходимость выявления стилистических особенностей рекламы на различных радиостанциях нашей страны. Совокупность всех этих факторов определяет актуальность темы.

Радиореклама, как правило, является одним из самых распространенных и традиционных каналов рекламы в Республике Беларусь. Для этого вида рекламы характерно употребление высокой частоты лексических повторов – семантически значимых слов или словосочетаний, представляющих название компании или рекламируемого продукта. В текстах представлены преимущественно отдаленные полутона, анафорно-круговой повтор. Функциональное значение лексических повторов – привлечение внимания слушателя к рекламируемому товару или услуге [2].

Информационные ролики являются доминирующим жанром рекламы на белорусском радио. Среди 60 прослушанных аудиороликов в рамках исследования 44 аудиоролика (или 73 %) представляют информационный жанр.

В большинстве аудиороликов информативный текст читает один голос. Например, на радио «Радиус FM»: *«Компания “Полюс-Комфорт”» – поставщик домашнего текстиля. Полотенца, пледы, корпоративные подарки, вышивка и упаковка. Оптом и в розницу. Доставляем по Беларуси. Телефон 8 (029) 166 27 74»*. Отличительная черта данной рекламы – отсутствие заключительного абзаца, характерного для большинства текстов радиорекламы. Текст небольшой по объему, в нем представлена конкретная информация об услугах компании. Лексика стилистически нейтральна, средства выразительности отсутствуют, предложения не звательные. Текст больше похож на обычную рекламу, ему сложно выделиться на фоне других аудиороликов и запомниться целевой аудитории. Такой текст лучше опубликовать в печатных СМИ.

По радио «Радиус FM» звучат предложения о работе и объявления: *«ООО “Энергосталь” приглашает на работу сварщиков и монтажников технологических трубопроводов и оборудования». «Метод часов. Значимый крупный объект. По всем вопросам обращайтесь по телефону 8 (029) 191 51 11»*. В такой рекламе намеренно отсутствуют выразительные средства. Основная цель аудио – донести всю необходимую информацию просто, емко и понятно для заинтересованных слушателей.

Совершенно иначе воспринимается аудиореклама по радио «Би-Эй»: *«Дом – это не только стены. Это ваши дети, заботы, радость и, конечно же, мебель, которая делает дом таким, что в него хочется вернуться. Мебель “Пинскдрев” на особых условиях. Ультрасовременная гостиная “Каньон” всего за 1050 руб. А можно в рассрочку на 12 месяцев!»*. В тексте аудиоролика есть открытие, апеллирующее к чувствам слушателя. Диктор перечисляет простые жизненные ценности большинства людей, используя сначала конкретные существительные (дети), затем абстрактные (заботы,

радость). В первые секунды кажется, что это что-то вроде социальной рекламы, но уже в конце списка слушатели слышат рекламируемый объект – мебель «Пинскдрев». Такой старт способствует положительной реакции целевой аудитории, которой являются взрослые трудоспособные люди. Слушателям напоминают о том, что дома их ждет любимая семья, что помогает им ощутить всю гамму эмоций, указанную в рекламе. А для того, чтобы сделать дом еще более уютным, им «конечно» нужна мебель «Пинскдрева».

Пример удачного открытия, способствующего положительной реакции на всю рекламу, можно найти в следующем информационном ролике по радио «РОКС»: «Сезон трогательных номеров обычно начинается поздней осенью, когда все запираются в уютных домиках, включают заставку на плазме с потрескиванием огня, укрываются одеялами и кошками, устраиваются на диванах с чашками горячего чая и смартфоном. Но тут же понимают, что приготовили недостаточно гигабайт или минут».

Подчеркивать прагматизм в радиорекламе – довольно распространенный прием в рекламных роликах. В рекламе встречается следующая лексика:

– ювелирные салоны: «Сеть салонов “Царское золото”» снова удивляет и специально для своих клиентов объявляет Минус 50 % на серебряные украшения и дополнительно Минус 15 % на карту клиента!» (на радио «Минская волна»);

– автосалоны: «В автоцентре “ЛАДА” на Каменногорской, 11 самая главная распродажа года! Максимальные скидки на все лимитированные версии “ЛАДА”!» (на радио «Авторadio Беларусь»).

Здесь можно сделать вывод, что для рекламодателей самых разных товарных категорий очень важно подчеркивать уникальность и ценность своего предложения, чтобы побудить слушателей к покупке.

Среди информационной рекламы особенно выделяются тексты от госучреждений и т. н. социальная реклама. Например, министр здравоохранения Пиневиц Дмитрий Леонидович на радиостанции «Минская волна» призывает: «Защитите себя и других от вирусной инфекции. Регулярно мойте руки с мылом или обрабатывайте антисептиком. Воздержитесь от посещения мест большого скопления людей. Избегайте тесного контакта с людьми, у которых есть симптомы респираторных заболеваний. Не прикасайтесь к лицу немытыми руками. При кашле прикрывайте нос и рот салфеткой или локтем. Если вы чувствуете себя плохо, обратитесь к врачу. Укрепляйте иммунитет и будьте здоровы!». Текст представляют собой официальное сообщение, преобладает разговорно-публицистический стиль речи. Основная цель – настроить слушателей на серьезность текста, подчеркнув важность обсуждаемой информации. Черты рекламы: логика и точность, насыщенность специальной лексикой, отсутствие субъективной эмоционально-экспрессивной окраски и образного употребления слов [3].

Отдельный пласт радиорекламы занимает реклама автомобилей по радио «Авторadio Беларусь»: «“TOYOTA CAMRY” – хищный взгляд, идеальные формы и непреодолимое стремление к новым победам! Рекордное удобство в трейд-ин до 660 рублей и лизинг под 0,001 процента! “TOYOTA” – управляй мечтой!». *«Мощный. Большой. Быстрый. Красивый. Он мчится к цели, не ломая дороги. Может, он большой авантюрист? А ты? Тогда у вас есть идеальный компаньон! Комфортно, удобно, красиво. Могли бы вы мечтать о большем? Мерседес Бенц. Будущее автомобиля».* Из примеров видно, что для рекламы автомобилей характерно использование качественных прилагательных, абстрактных существительных и простых односложных предложений.

Лексика в текстах рекламы автомобилей в основном связана с сенсорной стороной восприятия: подчеркивается индивидуальность, оригинальность, чувство превосходства. Другой пласт лексики связан со стремлением к высокой скорости, риску: «стремиться

к цели, не ломая дороги», «мчаться», «непреодолимое стремление к новым победам». В этих примерах присутствует небольшое количество описательных средств, представленных эпитетами: «хищный взгляд», «идеальная форма», «рекордный комфорт», «любитель приключений», «идеальный компаньон». Эпитеты подчеркивают качества внешнего вида автомобиля, его динамичность. Это связано еще и с тем, что основная целевая аудитория автомобильной рекламы – здоровые, обеспеченные мужчины, поэтому в текстах подчеркивается их любовь к комфорту и ловкости.

Также на радио очень распространена реклама банков и банковских услуг, которая также имеет свои отличительные черты. Например, на радио «Радиус FM» звучит реклама: «У Приорбанка действительно высокие ставки!. Откройте вклад по ставке 18,5 % годовых на 3 месяца и получите возможность оформить карту Visa Gold всего за 1 рубль. Забронируйте удобное время для посещения офиса по телефону 289 90 90». Как видно, изобразительные средства не характерны для рекламы банковских услуг. Тематика лексики однородна – слова относятся к банковским операциям (депозиты, кредиты, вклады) и их характеристикам (максимальная сумма, срок, процентная ставка).

Употребление приема смысловой смежности «заведение – сотрудники» можно встретить в рекламе торговой сети «Евроопт»: «Каждый понедельник Евроопт разыгрывает одну квартиру в Минске, три автомобиля и пятьдесят тысяч вторых призов! Кто выиграет 135-ю, 136-ю и 137-ю машины? Смотрите розыгрыш в прямом эфире!». В. А. Горбач отмечала, что «...распространенная в публицистической речи передача “учреждение – сотрудники” в рекламе воспринимается не как средство словесной образности, а как специфический показатель передачи фактов действительности, обусловленный процессами и явлениями существования общества» [2, с. 94].

Таким образом, для информационных аудиороликов характерно использование простых предложений, усложненных длинными рядами однородных членов, значительно усложняющих восприятие рекламы, общеупотребительной лексики, одного или нескольких стилистических средств выразительности, лексики, свидетельствующей о прагматизме. Здесь почти нет четкого разделения на рекламу по гендерному признаку.

Большинство современных рекламных аудиообъявлений имеют одинаковую структуру, состоящую из вступления, основного текста объявления и сведений о компании-рекламодателе. При создании рекламных текстов регулярно используется определенный набор языковых средств, которые в первую очередь направлены на психоэмоциональное восприятие целевой аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канцавая, Г. М. Беларуская мова: Марфалогія : вучэб.-метад. дапам. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; Г. М. Канцавая, В. М. Шавель, М. В. Швед. – Брэст : БрДУ, 2015. – 294 с.
2. Горбач, В. А. Жанрава-стылістычныя асаблівасці рэкламы ў друкаваных і аўдыявізуальных СМІ / В. А. Горбач // Сборник работ 73-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, Минск, 16–25 мая 2016 г. / БГУ ; гл. ред. С. Г. Берлинская. – Минск : БГУ, 2016. – С. 407–410.
3. Шумчык, Ф. С. Стылістыка беларускай мовы: вучэб.-метад. дапам. / Ф. С. Шумчык, Т. Я. Старасценка, В. В. Урбан ; пад рэд. Ф. С. Шумчыка. – Мінск : БДПУ, 2009. – 213 с.